

Игорь

Губерман

Г

а

р

и

к

и

на все

времена

2^й
ТОМ

Игорь Миронович Губерман

Гарики на все времена. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3091715

*Игорь Губерман. Гарики на все времена: в 2 т. Т. 2: Эксмо; Москва;
2010*

ISBN 978-5-699-18597-9

Аннотация

Этот двухтомник – уникальный шанс стать обладателем самой полной фирменной коллекции гариков. Таким шансом грех не воспользоваться!

Содержание

Первый иерусалимский дневник	6
Россию увидав на расстоянии, грустить перестаешь о расставании	6
Евреев от убогих до великих люблю не дрессированных, а диких	21
Высокого безделья ремесло меня от процветания спасло	38
В любви прекрасны и томление, и апогей, и утомление	60
Кто понял жизни смысл и толк, давно замкнулся и умолк	73
Увы, когда с годами стал я старше, со мною стали суше секретарши	90
Смеяться вовсе не грешно над тем, что вовсе не смешно	106
Второй иерусалимский дневник	121
Россия для души и для ума – как первая любовь и как тюрьма	121
Храпит и яростно дрожит казацкий конь при слове «жид»	136
Увы, подковой счастья моего кого-то подковали не того	153
Божественность любовного томления –	173

источник умноженья населения	
Наш дух бывает в жизни искушен не раньше, чем невинности лишен	195
Улучшить человека невозможно, и мы великолепны безнадежно	217
Конец ознакомительного фрагмента.	240

Игорь Губерман

Гарики на все времена

Том 2

В оформлении книги использованы наскальные рисунки древних евреев

Первый иерусалимский дневник

*В эту землю я врос окончательно,
я мечту воплотил наяву,
и теперь я живу замечательно,
но сюда никого не зову.*

Россию увидав на расстоянии, грустить перестаешь о расставании

Изгнанник с каторжным клеймом,
отъехал вдаль я одиноко
за то, что нагло был бельмом
в глазу всевидящего ока.

1

Еврею не резвиться на Руси
и воду не толочь в российской ступе;
тот волос, на котором он висит,
у русского народа – волос в супе.

2

Забавно, что томит меня и мучает
нехватка в нашей жизни эмигрантской

отравного, зловонного, могучего
дыхания империи гигантской.

3

Бог лежит больной, окинув глазом
дикие российские дела,
где идея вывихнула разум
и, залившись кровью, умерла.

4

С утра до тьмы Россия на уме,
а ночью – боль участия и долга;
неважно, что родился я в тюрьме,
а важно, что я жил там очень долго.

5

Да, порочен дух моей любви,
но не в силах прошлое проклясть я,
есть у рабства прелести свои
и свои восторги сладострастья.

6

Вожди России свой народ
во имя чести и морали
опять зовут идти вперед,
а где перед, опять соврали.

7

Когда идет пора крушения структур,
в любое время всюду при развязках
у смертного одра империй и культур
стоят евреи в траурных повязках.

8

Ах, как бы нам за наши штуки
платить по счету не пришлось!
Еврей! Как много в этом звуке
для сердца русского слилось!

9

Устроил с ясным умыслом Всевышний
в нас родственное сходство со скотом:
когда народ безмолвствует излишне,
то дух его зловонствует потом.

10

Люблю российский спор подлунный,
его цитат бенгальский пламень,
его идей узор чугунный,
его судеб могильный камень.

11

Ранним утром. Душной ночью,
Вдруг в ответ на чей-то взгляд...
Вырвал корни я из почвы,
и они по ней болят.

12

Прав еврей, что успеваает
на любые поезда,
но в России не свивает
долговечного гнезда.

13

Я хотел бы прожить много лет
и услышать в часы, когда пью,
что в стране, где давно меня нет,
кто-то строчку услышал мою.

14

Вдовцы Ахматовой и вдовы Мандельштама —
бесчисленны. Душой неколебим,
любой из них был рыцарь, конь и дама,
и каждый был особенно любим.

15

Мне вновь напомнила мимоза
своей прозрачной желтизной,

что в сердце всажена заноза
российской слякотной весной.

16

В русском таланте ценю я сноровку
злобу менять на припляс:

в доме повешенных судят веревку
те же, что вешали нас.

17

В России сейчас от угла до угла
бормочет Россия казенная
про то, что Россию спасти бы могла
Россия, оплошно казенная.

18

В те трудные дни был открыт
мне силы и света источник,
когда я почувствовал стыд
и выпрямил свой позвоночник.

19

Из русских событий пронзительный вывод
взывает к рассудкам носатым:
в еврейской истории русский период
кончается веком двадцатым.

Россия извелась, пока давала
грядущим поколениям людей
урок монументального провала
искусственно внедряемых идей.

21

Пронизано русское лето
миазмами русской зимы;
в российских ревнителях света
спят гены строителей тьмы.

22

Россию покидают иудеи,
что очень своевременно и честно,
чтоб собственной закваски прохиндеи
заполнили оставшееся место.

23

Как бы ни слабели год от года
тьма и духота над отчим домом,
подлинная русская свобода
будет обозначена погромом.

24

Чтоб русское разрушить государство, —
куда вокруг себя ни посмотри, —
евреи в целях подлого коварства
Россию окружают изнутри.

25

Не верю в разум коллективный
с его соборной головой:
в ней правит бал дурак активный
или мерзавец волевой.

26

Не зря тонули мы в крови,
не зря мы жили так убого,
нет ни отваги, ни любви
у тех, кого лишили Бога.

27

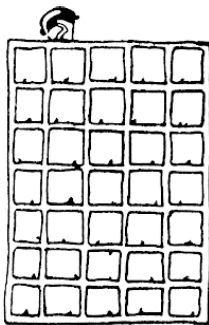
Весело на русский карнавал
было бы явиться нам сейчас:
те, кто нас душил и убивал,
пишут, что они простили нас.

28

В России жил я, как трава,
и меж такими же другими,

сполна имея все права
без права пользоваться ими.
29

Лихие русские года
плели узор искусной пряжи,
где подо льдом текла вода
и мертвым льдом была она же.
30

В любви и смерти находя
неисчерпаемую тему,
я не плевал в портрет вождя,
поскольку клал на всю систему.
31

Злая смута у России впереди:
все разъято, исковеркано, разрыто

и толпятся удрученные вожди
у гигантского разбитого корыта.

32

Когда вдруг рухнули святыни
и обнажилось их уродство,
душа скитается в пустыне,
изнемогая от сиротства.

33

Россия ждет, мечту лелея
о дивной новости одной:
что наконец нашли еврея,
который был всему виной.

34

Ручей из русских берегов,
типаж российской мелодрамы,
лишась понятных мне врагов,
я стал нелеп, как бюст без дамы.

35

На кухне или на лесоповале,
куда бы судьбы нас ни заносили,
мы все о том же самом толковали —
о Боге, о евреях, о России.

Хоть сотрись даже след от обломков
дикой власти, где харя на рыле,
все равно мы себя у потомков
несмываемой славой покрыли.

37

Я разными страстями был испытан,
но главное из посланного Богом —
я в рабстве у животных был воспитан,
поэтому я Маугли во многом.

38

Российскую власть обесчещенной
мы видим и сильно потоптанной,
теперь уже страшно, что женщиной
она будет мерзкой и опытной.

39

Нельзя не заметить, что в ходе истории,
ведущей народы вразброд,
евреи свое государство – построили,
а русское – наоборот.

40

Едва утихомирится разбой,
немедля разгорается острей
извечный спор славян между собой —
откуда среди них и кто еврей.

41

Я снял с себя российские вериги,
в еврейской я сижу теперь парилке,
но, даже возвратясь к народу Книги,
по-прежнему люблю народ Бутылки.

42

В автобусе, не слыша языка,
я чую земляка наверняка:
лишь русское еврейское дыхание
похмельное струит благоухание.

43

Приемлю, не тоскуя и не плачась,
древнейшее из наших испытаний —
усушку и утруску наших качеств
от наших переездов и скитаний.

44

Не в том печаль, что век не вечен, —
об этом лучше помолчим,

а в том, что дух наш изувечен
и что уже неизлечим.

45

Везде все время ходит в разном виде,
мелькая между стульев и диванов,
народных упований жрец и лидер
Адольф Виссарионович Ульянов.

46

За все России я обязан —
за дух, за свет, за вкус беды,
к России так я был привязан —
вдоль шеи тянутся следы.

47

В любое окошко, к любому крыльцу,
где даже не ждут и не просят,
российского духа живую пыльцу
по миру евреи разносят.

48

Не дикому природному раздолью,
где края нет лесам и косогорам,
а тесному кухонному застолию
душа моя обязана простором.

Много у Ленина сказано в масть,
многие мысли частично верны,
и коммунизм есть советская власть
плюс эмиграция всей страны.

50

На почве, удобренной злобой бесплодной,
увял даже речи таинственный мускул:
великий, могучий, правдивый, свободный
стал постным, унылым, холодным и тусклым.

51

Я б хотел, чтоб от зоркого взора
изучателей русских начал
не укрылась та доля позора,
что ложится на всех, кто молчал.

52

У того, кто родился в тюрьме
и достаточно знает о страхе,
чувство страха живет не в уме,
а в душе, селезенке и пахе.

53

Я Россию часто вспоминаю,
думая о давнем дорогом,
я другой такой страны не знаю,
где так вольно, смирно и кругом.

54

Забавно мы все-таки жили:
свой дух в чистоте содержали
и с истовой честью служили
неправедной, грязной державе.

55

Такой же, как наша, не сыщешь на свете
ранимой и прочной душевной фактуры;
двух родин великих мы блудные дети:
еврейской земли и российской культуры.

56

Оставив золу крематорию
и в путь собирая семью,
евреи увозят историю
будущую свою.

57

Я там любил, я там сидел в тюрьме,
по шатким и гнилым ходил мостам,

и брюки были вечно в бахроме,
и лучшие года остались там.

58

Евреев от убогих до великих люблю не дрессированных, а диких

Был, как обморок, переезд,
но душа отошла в тепле,
и теперь я свой русский крест
по еврейской несу земле.

59

Здесь мое исконное пространство,
здесь я гармоничен, как нигде,
здесь еврей, оставив чужестранство,
мутит воду в собственной среде.

60

В отъезды кинувшись поспешно,
евреи вдруг соображают,
что обрусели так успешно,
что их евреи раздражают.

61

За российский утерянный рай
пьют евреи, устроив уют,
и, забыв про набитый трамвай,
о графинях и тройках поют.

62

Еврейский дух слезой просолен,
душа хронически болит;
еврей, который всем доволен, —
покойник или инвалид.

63

Умельцы выходов и входов,
настырны, въедливы и прытки,
евреи есть у всех народов,
а у еврейского – в избытке.

64

Евреи, которые планов полны,
становятся много богаче,
умело торгуя то светом луны,
то запахом легкой удачи.

65

Каждый день я толкусь у дверей,
за которыми есть кабинет,
где сидит симпатичный еврей
и дает бесполезный совет.

66

Чтоб несогласие сразить
и несогласные закисло,
еврей умеет возразить
еще не высказанной мысли.

67

Да, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
у каждого собственный запах,
и носом к Востоку еврей свой росток
стыдливо увозит на Запад.

68

Смотрю на наше поколение
и с восхищеньем узнаю
еврея вечное стремление
просрать историю свою.

69

Не внемлет голосу погоды
упрямый ген в упорном семени:
терпя обиды и невзгоды,
еврей блаженствует в рассеяньи.

70

В мире много идей и затей,
но вовек не случится в истории,

чтоб мужчины рожали детей,
а евреи друг с другом не спорили.

71

В мире лишь еврею одному
часто удается так пожить,
чтоб не есть свинину самому
и свинью другому подложить.

72

Мир наполнили толпы людей,
перенесших дыханье чумы,
инвалиды высоких идей,
зараженные духом тюрьмы.

73

Земля моих великих праотцов
полна умов нешибкого пошиба,
и я среди галдящих мудрецов
молчу, как фаршированная рыба.

74

Слились две несовместные натуры
под покровом израильской кровли —
инвалиды российской культуры
с партизанами русской торговли.

За мудрость, растворенную в народе,
за пластику житейских поворотов
евреи платят матери-природе
обилием крошечных идиотов.

Живу я легко и беспечно,
хотя уже склонен к мыслишкам,
что все мы евреи, конечно,
но некоторые – слишком.

Душу наблюдениями грея,
начал разбираться в нашем вкусе я:
жанровая родина еврея —
всюду, где торговля и дискуссия.
78

Я счастлив, что жив и неистов
тяжелый моральный урод —
мой пакостный, шустрый, корыстный,
настырно живучий народ.
79

Еврей не каждый виноват,
что он еврей на белом свете,
но у него возможен брат,
а за него еврей в ответе.
80

Евреев тянет все подвигать
и улучшению подвергнуть,
и надо вовремя их выгнать,
чтоб неприятностей избежать.
81

Не терпит еврейская страстность

елейного меда растления:
еврею вредна безопасность,
покой и любовь населения.

82

Как ни скрывался в чуждой вере,
у всех народов и времен
еврей заочно к высшей мере
всегда бывал приговорен.

83

Особенный знак на себе мы несем,
всевластной руки своеволие,
поскольку евреи виновны во всем,
а в чем не виновны – тем более.

84

Под пятой у любой системы —
очень важно заметить это —
возводили мы сами стены
наших тесных и гиблых гетто.

85

Нельзя, когда в душе разброд,
чтоб дух темнел и чах;
не должен быть уныл народ,

который жгли в печах.

86

Евреи знали унижение
под игом тьмы поработителей,
но, потерпевши поражение,
переживали победителей.

87

Пустившись по белому свету,
готовый к любой неизвестности,
еврей заселяет планету,
меняясь по образу местности.

88

Спеша кто куда из-под бешеной власти,
евреи разъехались круто,
чем очень и очень довольны. А счастье —
оно не пришло почему-то.

89

Варясь в густой еврейской каше,
смотрю вокруг, угрюм и тих:
кишмя кишат сплошные наши,
но мало подлинно своих.

90

Мне одна догадка душу точит,
вижу ее правильность везде:
каждый, кто живет не там, где хочет, —
вреден окружающей среде.

91

Навеки предан я загадочной стране,
где тени древние теснятся к изголовью,
а чувства – разные полощутся во мне:
люблю евреев я, но странную любовью.

92

Что изнутри заметно нам,
отлично видно и снаружи:
еврей абстрактный – стыд и срам,
еврей конкретный – много хуже.

93

Еврей весь мир готов обнять,
того же требуя обратно:
умом еврея не понять,
а чувством это неприятно.

94

Во все разломы, щели, трещины

проблем, событий и идей,
терпя то ругань, то затрещины,
азартно лезет иудей.

95

Растут растенья, плещут воды,
на ветках мечутся мартышки,
еврей в объятиях свободы
хрипит и просит передышки.

96

Антисемит похож на дам,
которых кормит нежный труд:
от нелюбви своей к жидам
они дороже с нас берут.

97

Всегда еврей гоним или опален
и с гибелью тугим повит узлом,
поэтому бесспорно уникален
наш опыт обращения со злом.

98

Много сочной заграничной русской прессы
я читаю, наслаждаясь и дурея;
можно выставить еврея из Одессы,

но не вытравишь Одессу из еврея.

99

В жизненных делах я непрактичен,
мне азарт и риск не по плечу,
даже как еврей я нетипичен:
если что не знаю, то молчу.

100

Заоблачные манят эмпиреи
еврейские мечтательные взгляды,
и больно ушибаются евреи
о каменной реальности преграды.

101

Тем людям, что с рожденья здесь растут,
им чужды наши качества и свойства;
похоже, не рассеется и тут
витающий над нами дух изгойства.

102

Еврейского характера загадочность
не гений совместила со злодейством,
а жертвенно-хрустальную порядочность
с таким же неумным прохиндейством.

103

Мы Богу молимся, наверно,
затем так яростно и хрипло,
что жизни пакостная скверна
на нас особенно налипла.

104

В еврейском гомоне и гаме
отрадно жить на склоне лет,
и даже нет проблем с деньгами,
поскольку просто денег нет.

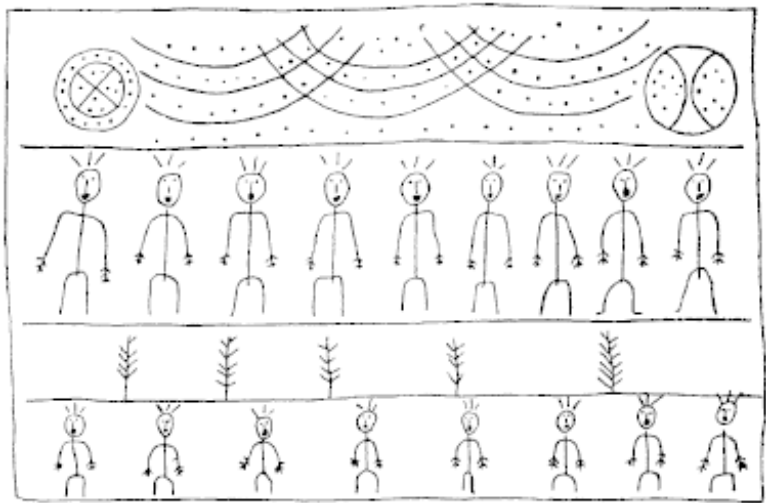
105

Еврейского разума имя и суть —
бродяга, беглец и изгой:
еврей, выбираясь на правильный путь,
немедленно ищет другой.

106

Я антисемит, признаться честно,
ибо я лишен самодовольства
и в евреях вижу повсеместно
собственные низменные свойства.

107

Скитались не зря мы со скрипкой в руках:
на землях, евреями пройденных,
поют и бормочут на всех языках
еврейские песни о родинах.

108

Чуть выросли – счастья в пространстве кипучем
искать устремляются тут же
все рыбы – где глубже, все люди – где лучше,
евреи – где лучше и глубже.

109

Катаясь на российской карусели,

наевшись русской мудрости плодов,
евреи столь изрядно обрусели,
что всюду видят происки жидов.

110

Еврей живет, как будто рос,
не зная злобы и неволи:
сперва сует повсюду нос
и лишь потом кричит от боли.

111

Велик и мелок мой народец,
един и в грязи и в элите,
я кровь от крови инородец
в его нестойком монолите.

112

Евреям доверяют не вполне
и в космос не пускают, слава Богу;
евреи, оказавшись на Луне,
устроят и базар, и синагогу.

113

Шепну я даже в миг, когда на грудь
уложат мне кладбищенские плиты:
женитьба на еврейке – лучший путь

к удаче, за рубеж, в антисемиты.

114

На развалинах Древнего Рима

я сижу и курю не спеша,

над руинами веет незримо

отлетевшая чья-то душа.

115

Под небом, безмятежно голубым,

спит серый Колизей порой вечерней;

мой предок на арене этой был

зарезан на потеху римской черни.

116

Римские руины – дух и мрамор,

тихо дремлет вечность в монолите;

здесь я, как усердный дикий варвар,

выцарапал имя на иврите.

117

В убогом притворе, где тесно плечу

и дряхлые дремлют скамейки,

я деве Марии поставил свечу —

несчастнейшей в мире еврейке.

118

Из Рима видней (как теперь отовсюду,
хоть жизнь моя там нелегка)
тот город, который я если забуду —
отсохнет моя рука.

119

Я скроюсь в песках Иудейской пустыни
на кладбище плоском, просторном и нищем
и чувствовать стану костями пустыми,
как ветер истории поверху свищет.

120

Вон тот когда-то пел, как соловей,
а этот был невинная овечка,
а я и в прошлой жизни был еврей —
отпетый наглый нищий из местечка.

121

Знаешь, поразительно близка мне
почва эта с каменными стенами:
мы, должно быть, помним эти камни
нашими таинственными генами.

122

Я счастлив, что в посмертной вечной мгле,

посмертном бытии непознаваемом,
в навеки любимейшей земле
я стану бесполезным ископаемым.

123

Высокого безделья ремесло меня от процветания спасло

Как пробка из шампанского со свистом
я вылетел в иное бытие,
с упрямостью храня в пути тернистом
шампанское дыхание свое.

124

Я живой и пока не готов умирать.
Я свободу обрел. Надо путь избирать.
А повсюду стоят, как большие гробы,
типовые проекты удачной судьбы.

125

Я тем, что жив и пью вино,
свою победу торжествую:
я мыслил, следовательно, но
я существую.

126

В час важнейшего в жизни открытия
мне открылось, гордыню гоня,
что текущие в мире события
превосходно текут без меня.

127

За то и люблю я напитки густые,
что, с гибельной вечностью в споре,
набитые словом бутылки пустые
кидаю в житейское море.

128

Всегда у мысли есть ценитель,
я всюду слышу много лет:
вы выдающийся мыслитель,
но в нашей кассе денег нет.

129

Время щиплет незримые струны,
и звучу я, покуда не сгину,
дни мелькают, как пятки фортуны,
а с утра она дышит мне в спину.

130

Я нужен был и близок людям разным,
поскольку даром дружбы одарен,
хотя своим устройством несуразным
к изгнанию в себя приговорен.

131

Решать я даже в детстве не мечтал
задачи из житейского задачника,
я книги с упоением читал,
готовясь для карьеры неудачника.

132

Видно только с горных высей,
видно только с облаков:
даже в мире мудрых мыслей
бродит уйма мудаков.

133

Я живу, в суете мельтеша,
а за этими корчами спешки
изнутри наблюдает душа,
не скрывая обидной усмешки.

134

Моя малейшая затея
душе врага всегда была
свежа, как печень Прометея
глазам голодного орла.

135

В этой мутной с просветами темени,
непостижной душе и уму,

я герой, но не нашего времени,
а какого – уже не пойму.

136

Я пристегнут цепью и замком
к речи, мне с рождения родной:
я владею русским языком
менее, чем он владеет мной.

137

С утра нужна щепотка слов,
пощекотавших ум и слух,
чтоб ожил чуткий кайфолов,
согрелся жить мой грустный дух.

138

Очень много во мне плебейства,
я ругаюсь нехорошо,
и меня не зовут в семейства,
куда сам бы я хер пошел.

139

Мы бестрепетно выносим на свет
и выплескиваем в зрительный зал
то, что Бог нам сообщил как секрет,
но кому не говорить – не сказал.

Ум так же упростить себя бессилён,
как воля перед фатумом слаба,
чем больше в голове у нас извилин,
тем более извилиста судьба.

141

Что в жизни вреднее тоски и печали?
За многое множество прожитых дней
немало печальников мы повстречали —
они отравлялись печалью своей.

142

Каждый, в ком играет Божья искра,
ясно различим издалека,
и, когда игра не бескорыстна,
очень ей цена невелика.

143

Добру и злу внимая равнодушно,
и в жертвах побывал я, и в героях,
обоим поперек и непослушно
я жил и натерпелся от обоих.

144

Моей судьбы кривая линия
была крута, но и тогда
я не кидался в грех уныния
и блуд постылого труда.

145

Я люблю, когда слов бахрома
золотится на мыслях тугих,
а молчание – признак ума,
если признаков нету других.

146

Живу привольно и кудряво,
поскольку резво и упрямо
хожу налево и направо
везде, где умный ходит прямо.

147

Очень давит меня иногда
тяжкий груз повседневного долга,
но укрыться я знаю куда
и в себя ухожу ненадолго.

148

Именно поэты и шуты
в рубище цветастом и убогом —

те слоны, атланты и киты,
что планету держат перед Богом.

149

Я счастлив ночью окунуться
во все, что вижу я во сне,
и в тот же миг стремлюсь проснуться,
когда реальность снится мне.

150

На свободе мне жить непривычно
после долгих невольничьих лет,
а улыбка свободы цинична,
и в дыхании жалости нет.

151

Много всякого на белом видя свете
в жизни разных городов и деревень,
ничего на белом свете я не встретил
хитроумней и настойчивей, чем лень.

152

Не стоит и расписывать подробней,
что личная упрямая тропа,
естественно, скудней и неудобней
проспекта, где колышется толпа.

Я в сортир когда иду среди ночи,
то плетется мой Пегас по пятам,
ибо дух, который веет, где хочет,
посещает меня именно там.

154

Как ни богато естество,
играющее в нас,
необходимо мастерство,
гранящее алмаз.

155

На вялом и снулом проснувшемся рынке,
где чисто, и пусто, и цвета игра,
душа моя бьется в немом поединке
с угрюмым желанием выпить с утра.

156

Живу, куря дурное зелье,
держа бутылъ во тьме серванта,
сменив российское безделье
на день беспечного Леванта.

157

Нисколько сам не мысля в высшем смысле,
слежу я сквозь умильную слезу,
как сутками высиживают мысли
мыслители, широкие в тазу.

158

О том, что потеряли сгоряча,
впоследствии приходится грустить;
напрасно я ищу себе врача,
зуб мудрости надеясь отрастить.

159

Гд е надо капнуть – я плесну,
мне день любой – для пира дата,
я столько праздновал весну,
что лето кануло куда-то.

160

Неявная симпатия к подонкам,
которая всегда жила во мне,

свидетельствует, кажется, о тонком
созвучии в душевной глубине.

161

Когда я спешу, суечусь и сную,
то словно живу на вокзале
и жизнь проживаю совсем не свою,
а чью-то, что мне навязали.

162

Я даже в течение дня
клонюсь то к добру, то ко злу,
и правы, кто хвалит меня,
и правы, кто брызжет хулу.

163

Рифмуя слова, что сказались другими, —
ничуть не стесняюсь, отнюдь не стыжусь:
они просто были исконно моими
и преданно ждали, пока я рожусь.

164

Эстетам ревностным и строгим
я дик и низок. Но по слухам —
любезен бедным и убогим,
полезен душам нищих духом.

Я проделал по жизни немало дорог,
на любой соглашался маршрут,
но всегда и повсюду, насколько я мог,
уклонялся от права на труд.

Я, Господи, умом и телом стар;
я, Господи, гуляка и бездельник;
я, Господи, прошу немного в дар —
еще одну субботу в понедельник.

Для всех распахнут и ничей,
судьба насквозь видна,
живу прозрачно, как ручей,
в котором нету дна.

Явились мысли – запиши,
но прежде – сплюнь слегка
слова, что первыми пришли
на кончик языка.

Доволен я и хлебом, и вином,
и тем, что не чрезмерно обветшал,
и если хлопочу, то об одном —
чтоб жизнь мою никто не улучшал.

170

Кругом кипит азарт, и дух его
меня ласкает жаром по плечу;
за то, что мне не надо ничего,
я дорого и с радостью плачу.

171

Я должен признаться, стыдяться и робея,
что с римским плебеем я мыслю похоже,
что я всей душой понимаю плебея,
что хлеба и зрелищ мне хочется тоже.

172

Мне власть нужна, как рыбе – серьги,
в делах успех, как зайцу – речь,
я слишком беден, чтобы деньги
любить, лелеять и беречь.

173

Своих печалей не миную,
сполна приемлю свой удел:

ведь, получив судьбу иную,
я б тут же третью захотел.

174

Изрядно век нам нервы потрепал,
но столького с трухой напололам
напел, наплел, навеял, нашептал,
что этого до смерти хватит нам.

175

В толпе не теснюсь я вперед,
ютясь молчаливо и с краю:
я искренне верю в народ,
но слабо ему доверяю.

176

Мне все беспечное и птичье
милее прочего всего,
ведь и богатство – не наличие,
а ощущение его.

177

Я живу ожиданьем волнения,
что является в душу мою,
а следы своего вдохновения
с наслажденьем потом продаю.

В сужденьях о поэте много значит,
как хочет он у Бога быть услышан;
кто более величественно плачет,
тот кажется нам более возвышен.

179

С утра теснятся мелкие заботы,
с утра хандра и лень одолевают,
а к вечеру готов я для работы,
но рядом уже рюмки наливают.

180

Свободой дни мои продля,
Господь не снял забот,
и я теперь свободен для,
но не свободен от.

181

В людской активности кипящей
мне часто видится печально
упрямство курицы, сидящей
на яйцах, тухлых изначально.

182

Блажен, кого тешит затея
и манит огнями дорога;
талант – сочиняет, потея,
а гений – ворует у Бога.

183

Когда мы глухо спим и домочадцы
теряют с нами будничную связь,
из генов наших образы сочатся,
духовной нашей плотью становясь.

184

На крыльях летал, колесил на колесах,
изведал и книжный, и каторжный труд,
но старой мечте – опереться на посох —
по-прежнему верен и знаю маршрут.

185

Что я преступно много сплю,
с годами стало очевидно,

и мне за то, что спать люблю,
порой во сне бывает стыдно.
186

Мой разум, тусклый и дремучий,
с утра трепещет, как струна:
вокруг витают мыслей тучи,
но не садится ни одна.
187

За все благодарю тебя, судьба,
особенно – за счастье глаз и слуха,
которое мне дарит гольтьба
ремесленного творческого духа.
188

Внезапное точное слово
случайно прочтешь у поэта —
и мир озаряется снова
потоками теплого света.
189

Вокруг меня все так умны,
так образованны научно,
и так сидят на них штаны,
что мне то тягостно, то скучно.

Вся жизнь моя прошла в плену
у переменчивого нрава:
коня я влево поверну,
а сам легко скачу направо.

191

Я раздражал собой не всякого,
но многих – я не соответствовал
им тем, что жил не одинаково
с людьми, с которыми соседствовал.

192

Я жил почти достойно, видит Бог:
я в меру был пуглив и в меру смел;
а то, что я сказал не все, что мог,
то, видит Бог, я больше не сумел.

193

За много лет познав себя до точки,
сегодня я уверен лишь в одном:
когда я капля дегтя в некой бочке —
не с медом эта бочка, а с гавном.

194

Благое и правое дело
я делал в часы, когда пил,
смеялся над тем, что болело,
и даже над тем, что любил.
195

Я думаю, нежась в постели,
что глупо спешить за верстак:
заботиться надо о теле,
а души бессмертны и так.
196

Люблю людей и по наивности
открыто с ними говорю,
и жду распахнутой взаимности,
а после горестно курю.
197

Я смущен не шумихой и давкой,
а лишь тем, что повсюду окрест
пахнет рынком, базаром и лавкой
атмосфера общественных мест.
198

В сей жизни краткой не однажды
бывал я счастлив оттого,

что мне важнее чувство жажды,
чем утоление его.

199

Гуляка, прощелыга и балбес,
к возвышенному был я слеп и глух,
друзья мои – глумливый русский бес
и ереси еврейской шалый дух.

200

Никого научить не хочу
я сухой правоте безразличной,
ибо собственный разум точу
на хронической глупости личной.

201

Души моей ваянию и зодчеству
полезны и тоска и неуют;
большой специалист по одиночеству,
я знаю, с чем едят его и пьют.

202

Среди уже несчетных дней
при людях и наедине
запомнил я всего сильней
слова, не сказанные мне.

Судьба моя стоит на перекрестке
и смотрит, как нахохленная птица;
отпетой и заядлой вертихвостке
в покое не сидится и не спится.

204

Что угодно с неподдельным огнем
я отстаиваю в споре крутом,
ибо, только настояв на своем,
понимаю, что стоял не на том.

205

Не рос я ни Сократом, ни Спинозой,
а рос я – огорчением родителей
и сделался докучливой занозой
в зад у моралистов и блюстителей.

206

Стал я слишком поздно понимать,
как бы пригодилось мне умение
жаловаться, плакать и стонать,
радуя общественное мнение.

207

Живя в душевном равновесии
и непреклонном своеволии,
меж эйфории и депрессии
держусь высокой меланхолии.
208

Мне с самим собой любую встречу
стало тяжело переносить:
в зеркале себя едва замечу —
хочется автограф попросить.
209

От метаний, блужданий, сумбурности —
дарит возраст покой постоянства,
и на черепе холм авантюренности
ужимается в шишку мещанства.
210

Ни мыслей нет, ни сил, ни денег.
И ночь, и с куревом беда,
А после смерти душу денет
Господь неведомо куда.
211

Успех мой в этой жизни так умерен,
что вряд ли она слишком удалась,

но будущий мой жребий – я уверен —
прекрасен, как мечта, что не сбылась.

212

В любви прекрасны и томление, и апогей, и утомление

Природа тянет нас на ложе,
судьба об этом же хлопочет,
мужик без бабы жить не может,
а баба – может, но не хочет.

213

Мы счастье в мире умножаем
(а злу – позор и панихида),
мы смерти дерзко возражаем,
творя обряд продленья вида.

214

В любви на равных ум и сила,
душевной требуют сноровки
затеи пластики и пыла,
любви блаженные уловки.

215

В политике – тайфун, торнадо, вьюга,
метель и ожиданье рукопашной;
смотреть, как раздевается подруга,
на фоне этом радостно и страшно.

Люблю, с друзьями стол деля,
поймать тот миг, на миг очнувшись,
когда окрестная земля
собралась плыть, слегка качнувшись.
217

Едва смежает сон твои ресницы —
ты мечешься, волнуешься, кипишь,
а что тебе на самом деле снится,
я знаю, ибо знаю, с кем ты спишь.
218

Есть женщины, познавшие с печалью,
что проще уступить, чем отказаться,
они к себе мужчин пускают в спальню
из жалости и чтобы отвязаться.
219

Он даму держал на коленях,
и тяжело дышалось ему,
есть женщины в русских селеньях —
не по плечу одному.
220

Мы пружины не знаем свои,
мы не ведаем, чем дорожить,
а минуты вчерашней любви
помогают нам день пережить.

221

И дух и плоть у дам играют,
когда, посплетничать зайдя,
они подруг перебирают,
говно сиропом разводя.

222

Встречаясь с дамой тет-а-тет,
теряешь к даме пиетет.

223

Мужик тугим узлом совется,
но если пламя в нем клокочет —
всегда от женщины добьется
того, что женщина захочет.

224

Я не люблю провинциалок —
жеманных жестов, постных лиц;
от вялых страхов сух и жалок
любовный их Аустерлиц.

Мы заняты делом отличным,
нас тешит и греет оно,
и ангел на доме публичном
завистливо смотрит в окно.

226

Блажен, кому достался мудрый разум,
такому все легко и задарма,
а нам осталась радость, что ни разу
не мучались от горя от ума.

227

В силу разных невнятных причин,
вопреки и хуле и насмешке,
очень женщины любят мужчин,
равнодушных к успеху и спешке.

228

С каждым годом жить мне интересней,
прочно мой фундамент в почву врыт,
каждый день я радуюсь, как песне,
оклику, что стол уже накрыт.

229

Чисто элегическое духа ощущение
мы в конце недели рюмкой лечим,
истинно трагическое мироощущение
требует бутылки каждый вечер.

230

Болит, свербит моя душа,
сменяя страсти воздержанием;
невинность формой хороша,
а грех прекрасен содержанием.

231

Люблю величавых застольных мужей —
они, как солдаты в бою,
и в сабельном блеске столовых ножей
вершат непреклонность свою.

232

Под пение прельстительных романсов
красотки улыбаются спесиво;
у женщины красивой больше шансов

на счастье быть обманутой красиво.

233

Чтобы сделались щеки румяней
и видней очертания глаз,
наши женщины, как мусульмане,
совершают вечерний намаз.

234

На закате в суете скоротечной
искра света вдруг нечаянно брызни —
возникает в нас от женщины встречной
ощущение непрожитой жизни.

235

Женившись, мы ничуть не губим
себя для радостей земных,
и мы жену тем больше любим,
чем больше любим дам иных.

236

По-моему, Господь весьма жесток
и вовсе не со всеми всеблагой:
порядочности крохотный росток
во мне он растоптал моей ногой.

237

Я прошел и закончил достаточно школ,
но, переча солидным годам,
за случайный и краткий азарта укол
я по-прежнему много отдам.

238

Женщину глазами провожая,
вертим головой мы не случайно:
в женщине, когда она чужая,
некая загадка есть и тайна.

239

В сезонных циклах я всегда
ценил игру из соблюдения:
зима – для пьянства и труда,
а лето – для грехопадения.

240

Живое чувство, искры спора,
игры шальные ощущения...
Любовь – продление разговора
иными средствами общения.

241

Но чья она, первейшая вина,

что жить мы не умеем без вина?
Того, кто виноградник сочинил
и ягоду блаженством начинил.
242

Что я смолоду делал в России? —
я запнусь и ответа не дам,
ибо много и лет, и усилий
положил на покладистых дам.
243

Я устал. Надоели дети,
бабы, водка и пироги.
Что же держит меня на свете?
Чувство юмора и долги.
244

Мужчина должен жить не суетясь,
а мудрому предавшись разгильдяйству,
чтоб женщина, с работы возвратясь,
спокойно отдыхала по хозяйству.
245

С неуклонностью упрямой
все на свете своевременно;
чем невинней дружба с дамой,

тем быстрее она беременна.

246

Когда роман излишне длителен,
то удручающе типичен,
роман быть должен упоителен
и безупречно лаконичен.

247

Не первопроходец и не пионер,
пути не нашел я из круга,
по жизни вели меня разум и хер,
а также душа, их подруга.

248

В мечтах отныне стать серьезней,
коплю серьезность я с утра,
печально видя ночью поздней,
что где-то есть во мне дыра.

249

Соблазнов я ничуть не избегал,
был страстью обуян периодически
и в пламени любви изнемогал
все время то душевно, то физически.
250

Я знаю, куда сквозь пространство
несуь на тугих парусах,
а сбоку луна сладострастно
лежит на спине в небесах.
251

Есть женщины осеннего шитья:
они, пройдя свой жизненный экватор,
в постели то слезливы, как дитя,
то яростны, как римский гладиатор.
252

Думая о бурной жизни личной,
трогаю былое взглядом праздным:
все, кого любил я, так различны,
что, наверно, сам бывал я разным.
253

Меняя в весе и калибре,
нас охлаждает жизни стужа,
и погрузневшая колибри
свирепо каркает на мужа.
254

Непоспешно и благообразно
совершая земные труды,
я аскет, если нету соблазна,
и пощусь от еды до еды.
255

Мы гуляем, поем и пляшем
от рожденья до самой смерти,
и грешнее ангелов падших —
лишь раскаявшиеся черти.
256

В очень важном и постыдном повинны —

так боимся мы себя обокрасть,
что все время и во всем половинны:
полуправда, полуриск, полустрасть.
257

Я давно для себя разрешил
ту проблему, что ставит нам Бог:
не жалею, что мог и грешил,
а жалею того, кто не мог.
258

Азартная мальчишеская резвость
кипит во мне, соблазнами дразня;
похоже, что рассудочная трезвость
осталась в крайней плоти у меня.
259

Предпочитая быть романтиком
во время тягостных решений,
всегда завязывал я бантиком
концы любовных отношений.
260

Спалив дотла последний порох,
я шлю свой пламенный привет
всем дамам, в комнатах которых

газил я свет.

261

Я мыслю и порочно, и греховно,
однако повторяю вновь и вновь:
еда ничуть не менее духовна,
чем пьянство, вдохновенье и любовь.

262

Люблю вино и нежных женщин,
и только смерть меня остудит;
одним евреем станет меньше,
одной легендой больше будет.

263

Если я перед Богом не струшу,
то скажу ему: глупое дело —
осуждать мою светлую душу
за блудливость истлевшего тела.

264

Кто понял жизни смысл и толк, давно замкнулся и умолк

Мы вчера лишь были радостные дети,
но узнали мы в награду за дерзание,
что повсюду нету рая на планете,
и весьма нас покалечило познание.
265

Нас душило, кромсало и мяло,
нас кидало в успех и в кювет,
и теперь нас осталось так мало,
что, возможно, совсем уже нет.
266

Не в силах никакая конституция
устроить отношения и дела,
чтоб разума и духа проституция
постыдной и невыгодной была.
267

По эпохе киша, как мухи,
и сплетаясь в один орнамент,
утоляют вожди и шлюхи
свой общественный темперамент.

На исторических, неровных,
путях заведомо целинных
хотя и льется кровь виновных,
но гуще хлещет кровь невинных.
269

Неистово стараясь прикоснуться,
но страсть не утоляя никогда,
у истины в окрестностях пасутся
философов несметные стада.
270

Я не даю друзьям советы,
мир дик, нелеп и бестолков,
и на вопросы есть ответы
лишь у счастливых мудаков.
271

Блажен, кто знает все на свете
и понимает остальное,
свободно веет по планете
его дыхание стальное.
272

В эпохах, умах, коридорах,
где разум, канон, габарит —
есть области, скрывшись в которых
разнузданный хаос царит.

273

Множество душевных здесь калек —
те, чей дух от воли изнемог,
ибо на свободе человек
более и глуше одинок.

274

Зря, когда мы близких судим,
суд безжалостен и лих:
надо жить, прощая людям
наше мнение о них.

275

Всюду, где понятно и знакомо,
всюду, где спокойно и привычно,
в суетной толпе, в гостях и дома
наше одиночество различно.

276

Прозорливы, недоверчивы, матери,
мы лишь искренность распахнутую ценим —

потому и улучшаются актеры
на трибунах, на амвонах и на сцене.

277

Наш век устроил фестиваль
большого нового искусства:
расчислив алгеброй мораль,
нашел гармонию паскудства.

278

Я изучил по сотням судебных
и по бесчисленным калекам,
насколько трудно выйти в люди
и сохраниться человеком.

279

И понял я, что поздно или рано,
и как бы ни остра и неподдельна,
рубцуются в душе любая рана —
особенно которая смертельна.

280

Жаль беднягу: от бурных драм
расползаются на куски
все сто пять его килограмм
одиночества и тоски.

Вижу в этом Творца мастерство,
и напрасно все так огорчаются,
что хороших людей большинство,
но плохие нам чаще встречаются.

282

По прихоти Божественного творчества,
когда нам одиноко в сучьей своре,
бывает чувство хуже одиночества —
когда еще душа с рассудком в ссоре.

283

Нам в избытке свобода дана,
мы подвижны, вольны и крылаты,
но за все воздается сполна
и различны лишь виды расплаты.

284

Есть люди с тайным геном комиссарства,
их мучит справедливости мираж,
они запойно строят Божье царство,
и кровь сопровождает их кураж.

285

Когда боль поселяется в сердце,
когда труден и выдох, и вдох,
то гнусней начинают смотреться
хитрожопые лица пройдох.

286

Какую мы играть готовы роль,
какой хотим на лбу нести венец,
свидетельствуют мелочь, знак, пароль,
порою – лишь обрезанный конец.

287

Свобода к нам не делает ни шагу,
не видя нашей страсти очевидной,
свобода любит дерзость и отвагу,
а с трусами становится фригидной.

288

И здесь дорога не легка,
и ждать не стоит ничего,
и, как везде во все века,
толпа кричит – распни его!

289

Посмотришь вокруг временами
и ставишь в душе многоточие...

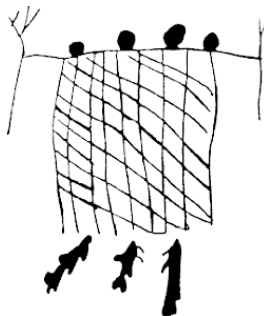
Все люди бывают говнами,
но многие – чаще, чем прочие.
290

Пока не требует подонка
на гнусный подвиг подлый век,
он мыслит нравственно и тонко,
хрустально чистый человек.
291

Любой мираж душе угоден,
любой иллюзии глоток...
Мой пес гордится, что свободен,
держа в зубах свой поводок.
292

Книги много лет моих украли,
ибо в ранней юности моей
книги мне поклялись (и соврали),
что, читая, стану я умней.
293

Увы, но с головами и двуногие
случались у меня среди знакомых,
что шли скорей по части биологии
и даже по отделу насекомых.

Не все заведомо назначено,
не все расчерчены пути,
на ткань судьбы любая всячина
внезапно может подойти.

295

Нелепы зависть, грусть и ревность,
и для обиды нет резона,
я устарел, как злободневность
позавчерашнего сезона.

296

Чтоб делался покой для духа тесен,
чтоб дух себя без усталости искал,
в уюте и комфорте, словно плесень,
заводится смертельная тоска.

Не верю я, хоть удави,
когда в соплях от сантиментов
поет мне песни о любви
хор безголосых импотентов.
298

Весь день я по жизни хромаю,
взбивая пространство густое,
а к ночи легко понимаю
коней, засыпающих стоя.
299

Когда струились по планете
потоки света и тепла,
всегда и всюду вслед за этим
обильно кровь потом текла.
300

Есть в идиоте дух отваги,
присущей именно ему,
способна глупость на зигзаги,
недостижимые уму.
301

Тоскливей ничего на свете нету,
чем вечером, дыша холодной тьмой,
тоскливо закуривши сигарету,
подумать, что не хочется домой.

302

Довольно тускло мы живем,
коль ищем радости в метании
от одиночества вдвоем
до одиночества в компании.

303

От укуса потерь и поражений
мы делаемся глубже и богаче,
полезнее утрат и унижений
одни только успехи и удачи.

304

С утра душа еще намерена
исполнить все, что ей назначено,
с утра не все еще потеряно,
с утра не все еще растрчено.

305

Мои друзья темнеют лицами,
томясь тоской, что стали жиже

апломбы, гоноры, амбиции,
гордыни, спеси и престижи.

306

В кипящих политических страстях
мне видится модель везде одна:
столкнулись на огромных скоростях
и лопнули вразлет мешки говна.

307

Душа не плоть, и ей, наверно,
покой хозяина опасен:
благополучие двумерно
и плоский дух его колбасен.

308

От меня понапрасну взаимности
жаждут девственно чистые души,
слишком часто из нежной невинности
проступают ослиные уши.

309

Наш век нам подарил благую весть,
насыщенную горечью глобальной:
есть глупость незаразная, а есть —
опасная инфекцией повальной.

310

Я уважаю в корифеях
обильных знаний цвет и плод,
но в этих жизненных трофеях
всегда есть плесени налет.

311

Еще Гераклит однажды
заметил давным-давно,
что глуп, кто ступает дважды
в одно и то же говно.

312

Забавно, что, живя в благополучии,
судьбы своей усердные старатели,
мы жизнь свою значительно улучшили,
а смысл ее – значительно утратили.

313

А странно мы устроены: пласты
великих нам доставшихся наследий
листаются спокойно, как листы
альбома фотографий у соседей.

314

Во мне есть жалость к индивидам,
чья жизнь отнюдь не тяжела:
Господь им честно душу выдал,
но в них она не ожила.

315

Везде в эмиграции та же картина,
с какой и в России был тесно знаком:
болван идиотом ругает кретина,
который его обозвал дураком.

316

Мы так часто себя предавали,
накопляя душевную муть,
что теперь и на воле едва ли
мы решимся в себя заглянуть.

317

На крохотной точке пространства
в дымящемся жерле вулкана
амбиции наши и чванство
смешны, как усы таракана.

318

Учти, когда душа в тисках
липучей пакости мирской,

что впереди еще тоска
о днях, отравленных тоской.
319

По чувству легкой странной боли,
по пустоте неясной личной
внезапный выход из неволи
похож на смерть жены привычной.
320

Мы ищем истину в вине,
а не скребем перстом в затылке,
и если нет ее на дне —
она уже в другой бутылке.
321

Жить, не зная гнета и нажима,
жить без ощущения почвы зыбкой —
в наше время столь же достижимо,
как совокупленье птички с рыбкой.
322

Давно среди людей томясь и нежась,
я чувствую, едва соприкоснусь:
есть люди, источающие свежесть,
а есть – распространяющие гнусь.

Сменилось место, обстоятельства,
система символов и знаков,
но запах, суть и вкус предательства
на всей планете одинаков.

324

Не явно, не всегда и не везде,
но часто вдруг на жизненной дороге
по мере приближения к беде
есть в воздухе сгущение тревоги.

325

Наука ускоряет свой разбег,
и техника за ней несется вскачь,
но столь же неизменен человек
и столь же безутешен женский плач.

326

Надежность, покой, постоянство —
откуда им взяться на свете,
где время летит сквозь пространство,
свистя, как свихнувшийся ветер.

327

Присущая свободе неуверенность
ничтожного зерна в огромной ступке
рождает в нас душевную растерянность,
кидающую в странные поступки.

328

Многие знакомые мои —
вряд ли это видно им самим —
жизни проживают не свои,
а случайно выпавшие им.

329

Мы, как видно, другой породы,
если с маху и на лету
в диком вакууме свободы
мы разбились о пустоту.

330

Мы с прошлым распростились. Мы в бегах.
И здесь от нас немедля отвязался
тот вакуум на глиняных ногах,
который нам духовностью казался.

331

Не зря у Бога люди вечно просят
успеха и удачи в деле частном:

хотя нам деньги счастья не приносят,
но с ними много легче быть несчастным.

332

Густой поток душевных драм
берет разбег из той беды,
что наши сны – дворец и храм,
а явь – торговые ряды.

333

После смерти мертвецки мертвы,
прокрутившись в земном колесе,
все, кто жил только ради жратвы,
а кто жил ради пьянства – не все.

334

Правнук наши жизни подытожит.
Если не заметит – не жалеяй.
Радуйся, что в землю нас положат,
а не, слава Богу, в мавзолей.

335

Увы, когда с годами стал я старше, со мною стали суше секретарши

Состариваясь в крови студенистой,
система наших крестиков и ноликов
доводит гормональных оптимистов
до геморроидальных меланхоликов.

336

Когда во рту десятки пломб —
ужели вы не замечали,
как уменьшается апломб
и прибавляются печали?

337

У старости – особые черты:
душа уже гуляет без размаха,
а радости, восторги и мечты —
к желудку поднимаются от паха.

338

Возвратом нежности маня,
не искушай меня без нужды;
все, что осталось от меня,
годится максимум для дружбы.

На склоне лет печаль некстати,
но все же слаще дела нет,
чем грустно думать на закате,
из-за чего зачах рассвет.

340

А ты подумал ли, стареющий еврей,
когда увязывал в узлы пожитки куцые,
что мы бросаем сыновей и дочерей
на баррикады сексуальной революции?

341

Покуда мне блаженство по плечу,
пока из этой жизни не исчезну —
с восторгом ощущая, что лечу,
я падаю в финансовую бездну.

342

Исчерпываюсь, таю, истощаюсь —
изнашивает всех судьба земная,
но многие, с которыми общаюсь,
давно уже мертвы, того не зная.

343

Стократ блажен, кому дано
избегнуть осени, в которой
бормочет старое говно,
что было фауной и флорой.

344

В такие дни то холодно, то жарко,
и всюду в теле студень вместо жил,
становится себя ужасно жалко
и мерзко, что до жалости дожил.

345

Идут года. Еще одно
теперь известно мне страдание:
отнюдь не каждому дано
достойно встретить увядание.

346

От боли душевной, от болей телесных,
от мыслей, вселяющих боль, —
целительней нету на свете компресса,
чем залитый внутрь алкоголь.

347

Тоска бессмысленных скитаний,
бесплодный пыл уплывших дней,

напрасный жар пустых мечтаний
сохранны в памяти моей.

348

Уже по склону я иду,
уже смотрю издалека,
а все еще чего-то жду
от телефонного звонка.

349

Если не играл ханжу-аскета,
если нараспашку сквозь года —
в запахе осеннего букета
лето сохраняется тогда.

350

В апреле мы играли на свирели,
все лето проработали внаем,
а к осени заметно присмирели
и тихую невнятицу поем.

351

Судьбой в труху не перемолот,
еще в уме, когда не злюсь,
я так теперь уже немолод,
что даже смерти не боюсь.

Как ночь безнадежно душна!
Как жалят укусы презрения!
Бессонница тем и страшна,
что дарит наплывы прозрения.

353

Душой и телом охладев,
я погасил мою жаровню:
еще смотрю на нежных дев,
а для чего – уже не помню.

354

Знаю с ясностью откровения,
что мне выбрать и предпочесть.
Хлеб изгнания. Сок забвения.
Одиночество, осень, честь.

355

Летят года, остатки сладки,
и грех печалиться.

Как жизнь твоя? Она в порядке,
она кончается.

356

На старости, в покое и тиши,
окрепло понимание мое,
что учат нас отсутствию души
лишь те, кто хочет вытравить ее.

357

Сделать зубы мечтал я давно —
обаяние сразу удвоя,
я ковбоя сыграл бы в кино,
а возможно – и лошадь ковбоя.

358

Ленив, апатичен, безволен,
и разум, и дух недвижимы —
я странно и тягостно болен
утратой какой-то пружины.

359

В промозглой мгле живет морока
соблазна сдаться, все оставить
и до естественного срока
душе свободу предоставить.

360

Я хотел бы на торжественной латыни
юным людям написать предупреждение,
что с годами наше сердце сильно стынет,
и мучительно такое охлаждение.

361

Когда свернуло стрелки на закат,
вдруг чувство начинает посещать,
что души нам даются напрокат,
и лучше их без пятен возвращать.

362

Глупо жгли мы дух и тело
раньше времени дотла;
если б молодость умела,
то и старость бы могла.

363

Зачем болишь, душа? Устала?
Спешишь к истоку всех начал?

Бутылка дней пустою стала,
но и напиток покрепчал.

364

Я смолоду любил азарт и глупость,
был формой сочен грех и содержанием,
спасительная старческая скупость
закат мой оградила воздержанием.

365

Слабеет жизненный азарт,
ужалось время, и похоже,
что десять лет тому назад
я на пятнадцать был моложе.

366

Мой век почти что на исходе,
и душу мне слегка смущает,
что растворение в природе
ее нисколько не прельщает.

367

Наступила в судьбе моей фаза
упрощения жизненной драмы:
я у дамы боюсь не отказа,
а боюсь я согласия дамы.

Так быстро проносилось бытие,
так шустро я гулял и ликовал,
что будущее светлое мое
однажды незаметно миновал.

369

В минувшее куда ни оглянусь,
куда ни попаду случайным взором —
исчезли все обиды, боль и гнусь,
и венчик золотится над позором.

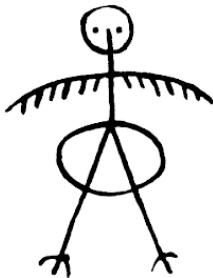
370

Мне жалко иногда, что время вспять
не движется над замершим пространством:
я прежние все глупости опять
проделал бы с осознанным упрямством.

371

Я беден – это глупо и обидно,
по возрасту богатым быть пора,
но с возрастом сбывается, как видно,
напутствие «ни пуха ни пера».

372

Опять с утра я глажу взглядом
все, что знакомо и любимо,
а смерть повсюду ходит рядом
и каждый день проходит мимо.
373

Сегодня день был сух и светел
и полон ясной синевой,
и вдруг я к вечеру заметил,
что существую и живой.
374

У старости душа настороже;
еще я в силах жить и в силах петь,
еще всего хочу я, но уже —
слабее, чем хотелось бы хотеть.
375

Живу я, смерти не боюсь,

и душу страхом не смущаю;
земли, меня и неба связь
я неразрывно ощущаю.

376

Овеян скорым расставанием,
живу без лишних упований
и наслаждаюсь остыванием
золы былых очарований.

377

Сойдя на станции конечной,
мы вдруг обрадуемся издали,
что мы вдоль жизни скоротечной
совсем не зря усердно брызгали.

378

Безоглядно, отважно и шало
совершала душа бытие
и настолько уже поветшала,
что слеза обжигает ее.

379

Смотрю спокойно и бесстрастно:
светлее уголь, снег темней,
когда-то все мне было ясно,

но я, к несчастью, стал умней.

380

Свободу от страстей и заблуждений

несут нам остывания года,

но также и отменных наслаждений

отныне я лишаяюсь навсегда.

381

Есть одна небольшая примета,

что мы все-таки жили не зря:

у закатного нашего света

занимает оттенки заря.

382

Увы, всему на свете есть предел:

облез фасад и высохли стропила;

в автобусе на девку поглядел —

она мне молча место уступила.

383

Не надо ждать ни правды, ни морали

от лысых и седых историй пьяных,

какие незабудки мы срывали

на тех незабываемых полянах.

384

Приближается время прощания,
перехода обратно в потемки
и пустого, как тень, обещания,
что тебя не забудут потомки.

385

Я изменяюсь незаметно
и не грущу, что невозвратно,
я раньше дам любил конкретно,
теперь я их люблю абстрактно.

386

Осенние пятна на солнечном диске,
осенняя глушь разговора,
и листья летят, как от Бога записки
про то, что увидимся скоро.

387

Чую вдруг душой оцепеневшей
скорость сокращающихся дней;
чем осталось будущего меньше,
тем оно тревожит нас больней.

388

Загрустили друзья, заскучали,

сонно плещутся вялые флаги,
ибо в мудрости много печали,
а они поумнели, бедняги.

389

Не знаю, каков наш удел впереди,
но здесь наша участь видна:
мы с жизнью выходим один на один,
и нас побеждает она.

390

Я рос когда-то вверх, судьбу моля,
чтоб вырасти сильнее и прямей,
теперь меня зовет к себе земля,
и горблюсь я, прислушиваясь к ней.

391

Все-все-все, что здоровью противно,
делал я под небесным покровом;
но теперь я лечусь так активно,
что умру совершенно здоровым.

392

Умирать без обиды и жалости,
в никуда обретая билет,
надо с чувством приятной усталости

от не зря испарившихся лет.

393

Бесполезны уловки учености,
и не стоит кишеть, мельтеша;
предназначенный круг обреченности
завершит и погаснет душа.

394

Наш путь извилист, но не вечен,
в конце у всех – один вокзал;
иных уж нет, а тех долечим,
как доктор доктору сказал.

395

Нет, нет, на неизбежность умереть
не сетую, не жалею, не злую,
но понял, начиная третью треть,
что я четвертой четверти боюсь.

396

Лишь только начавши стареть,
вступая в сумерки густые,
мы научаемся смотреть
и видеть истины простые.

397

За вторником является среда,
субботу вытесняет воскресенье;
от боли, что уходим навсегда,
придумано небесное спасенье.
398

Так было раньше, будет впредь,
и лучшего не жди,
дано родиться, умереть
и выпить посреди.
399

Я жил распахнуто и бурно,
и пусть Господь меня осудит,
но на плите могильной урна —
пускай бутыль по форме будет.
400

Смеяться вовсе не грешно над тем, что вовсе не смешно

Навряд ли Бог был вечно. Он возник
в какой-то первобытно древний век
и создал человека в тот же миг,
как Бога себе создал человек.

401

Бог в игре с людьми так несерьезен,
а порой и на руку нечист,
что похоже – не религиозен,
а возможно – даже атеист.

402

Напрасно совесть тягомотная
в душе моей свербит на дне:
я человек – ничто животное
не чуждо мне.

403

Где-то там, за пределом познания,
где загадка, туманность и тайна,
некто скрытый готовит заранее
все, что позже случится случайно.

404

Бог умолчал о том немногом,
когда дарил нам наши свойства,
что были избраны мы Богом,
чтоб сеять смуты и расстройтва.

405

Зря, чужим гореньем освещаясь,
тот еврей молитвы завывает,
ибо очень видно, с ним общаясь:
пусто место свято не бывает.

406

Как новое звучанье гаммы нотной,
открылось мне, короткий вызвав шок,
что даже у духовности бесплотной
возможен омерзительный душок.

407

Здесь, как везде, и тьма, и свет,
и жизни дивная игра,
и как везде – спасенья нет
от ярых рыцарей добра.

408

Без веры жизнь моя убога,
но я найду ее не скоро,
в еврейском Боге слишком много
от пожилого прокурора.

409

Зачем евреи всех времен
так Бога славят врозь и вместе?
Бог не настолько неумен,
чтобы нуждаться в нашей лести.

410

Застав Адама с Евой за объятием,
Господь весьма расстроен ими был
и труд назначил карой и проклятием,
а после об амнистии забыл.

411

При тягостном с Россией расставании
мне новая слегка открылась дверь:
я Бога уличил в существовании,
и Он не отпирается теперь.

412

Прося, чтоб Господь ниспослал благодать,
еврей возбужденно качается,

обилием пыла стремясь набрать
того, с кем заочно встречается.
413

По части веры – полным неучем
я рос, гуляка и ленивец;
еврейский Бог свиреп и мелочен,
а мой – распутный олимпиец.
414

Здесь разум пейсами оброс,
и так они густы,
что мысли светят из волос,
как жопа сквозь кусты.
415

Я Богу докучаю неспроста
и просьбу не считаю святотатством:
тюрьмой уже меня Ты испытал,
попробуй испытать меня богатством.
416

Господь при акте сотворения
просчет в расчетах совершил
и сделал дух пищеварения
сильней духовности души.

417

Мне вдруг чудится – страшно конкретно, —
что устроено все очень попросту
и что даже душа не бессмертна,
а тогда все напрасно и попусту.

418

По чистой логике неспешной
Бог должен быть доволен мной:
держава мерзости кромешной
меня уважила тюрьмой.

419

Чтоб не вредить известным лицам,
на Страшный суд я не явлюсь:
я был такого очевидцем,
что быть свидетелем боюсь.

420

Бог – истинный художник, и смотреть
соскучился на нашу благодать;
Он борется с желаньем все стереть
и заново попробовать создать.

421

Блажен любой в его готовности
с такой же легкостью, как муха,
от нищей собственной духовности
прильнуть к ведру святого духа.

422

Навряд ли Бог назначил срок,
чтоб род людской угас, —
что в мире делать будет Бог,
когда не станет нас?

423

У нас не те же, что в России,
ушибы чайников погнутых:
на тему Бога и Мессии
у нас побольше стебанутых.

424

Всегда есть люди-активисты,
везде суются с вожделением
и страстно портят воздух чистый
своим духовным выделением.

425

Испанец, славянин или еврей —
повсюду одинакова картина:

гордыня чистокровностью своей —
святое утешение кретина.

426

Есть люди – их кошмарно много, —
чьи жизни отданы тому,
чтоб осрамить идею Бога
своим служением Ему.

427

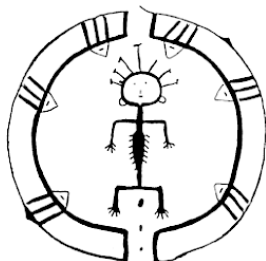
Евреи могут быть умны,
однако духом очень мелки:
не только смотрят мне в штаны,
но даже лезут мне в тарелки.

428

У Бога многое невнятно
в его вселенской благодати:
он выдает судьбу бесплатно,
а душу требует к расплате.

429

Бога мы о несбыточном просим,
докучая слезами и стонами,
но и жертвы мы щедро приносим —
то Христом, то шестью миллионами.

Еврею нужна не простая квартира:
еврею нужна для жилья непорочного
квартира, в которой два разных сортира —
один для мясного, другой для молочного.

Поэт отменной правоты,
Блок был в одном не прав, конечно:
стерев случайные черты,
мы Божий мир сотрем беспечно.
432

Когда однажды, грозен и велик,
над нами, кто в живых еще остались,
появится Мессии дивный лик,
мы очень пожалеем, что дождались.
433

Встречая в евреях то гнусь, то плебейство,
я думаю с тихим испугом:
Господь не затем ли рассеял еврейство,
чтоб мы не травились друг другом?
434

Вчера я вдруг подумал на досуге —
нечаянно, украдкой, воровато, —
что если мы и вправду Божьи слуги,
то счастье – не подарок, а зарплата.
435

Богу благодарен я за ночи,

прожитые мной не хуже дней,
и за то, что с возрастом не очень
сделался я зорче и умней.

436

Ощущаю опять и снова
и блаженствую, ощутив,
что в Начале отнюдь не слово,
а мелодия и мотив.

437

Устав от евреев, сажусь покурить
и думаю грустно и мрачно,
что Бог, поспеша свою книгу дарить,
народ подобрал неудачно.

438

Мне странны все, кто Богу служит,
азартно вслух талдыча гимны;
мой Бог внутри, а не снаружи,
и наши связи с ним интимны.

439

Для многих душ была помехой
моя безнравственная лира,
я сам себе кажусь прорехой

в божественном устройстве мира.

440

Часто молчу я в спорах,
чуткий, как мышеловка:
есть люди, возле которых
умными быть неловко.

441

Те, кто хранит незримо нас,
ослабли от бессилия,
и слезы смахивают с глаз
их шелковые крылья.

442

Много лет я не верил ни в Бога, ни в черта,
но однажды подумать мне срок наступил:
мы лепились из глины различного сорта —
и не значит ли это, что кто-то лепил?

443

Ни бесов нет меж нас, ни ангелиц,
однако же заметить любопытно,
что много между нами ярких лиц,
чья сущность и крылата, и копытна.

444

Успешливые всюду и во многом,
познавшие и цену, и размерность,
евреи торговали даже с Богом,
продав Ему сомнительную верность.
445

Бога нет, но есть огонь во мраке.
Дивных совпадений перепляс,
символы, знамения и знаки —
смыслом завораживают нас.
446

Человек человеку не враг,
но в намереньях самых благих
если молится Богу дурак,
расшибаются лбы у других.
447

Это навык совсем не простой,
только скучен и гнусен слегка —
жадно пить из бутылки пустой
и пьянеть от пустого глотка.
448

Взяв искру дара на ладонь

и не смиряя зов чудачества,
Бог любит кинуть свой огонь
в сосуд сомнительного качества.
449

Дух любит ризы в позолоте,
чтоб не увидел посторонний,
что бедный дух порочней плоти
и несравненно изошренней.
450

Подозрительна мне атмосфера
безусловного поклонения,
ибо очень сомнительна вера,
отвергающая сомнения.
451

Творец таким узлом схлестнул пути,
настолько сделал общим беспокойство,
что в каждой личной жизни ощутим
стал ветер мирового неустройства.
452

Какой бы на земле ни шел разбой
и кровью проливалась благодать —
Ты, Господи, не бойся, я с Тобой,

за все Тебя смогу я оправдать.

453

Нечто тайное в смерти сокрыто,

ибо нету и нету вестей

о рутине загробного быта

и азарте загробных страстей.

454

Дети загулявшего родителя,

мы не торопясь, по одному,

попусту прождавшие Спасителя,

сами отправляемся к нему.

455

Не зря, не зря по всем дорогам

судьба вела меня сюда,

здесь нервы нашей связи с Богом

обнажены, как провода.

456

Я с первых дней прижился тут,

мне здесь тепло, светло и сухо,

и прямо в воздухе растут

плоды беспочвенного духа.

457

Судьбой обглоданная кость,
заблудший муравей,
чужой свободы робкий гость
я на земле моей.

458

Когда сюда придет беда,
я здесь приму беду,
и лишь отсюда в никуда
я некогда уйду.

459

1991 год

Второй иерусалимский дневник

*Пришел в итоге путь мой грустный,
кривой и непринципальный,
в великий город захолустный,
планеты центр провинциальный.*

Россия для души и для ума – как первая любовь и как тюрьма

Мы благо миру сделали великое,
недаром мы душевные калеки,
мы будущее, черное и дикое,
отжили за других в двадцатом веке.

1

Остался жив и цел, в уме и силе,
и прежние не сломлены замашки,
а был рожден в сорочке, что в России
всегда вело к смирительной рубашке.

2

Мы жили там, не пряча взгляда,
а в наши души и артерии

сочился тонкий яд распада
гниющей заживо империи.

3

Россия, наши судьбы гнусно скомкав,
еще нас обрекла наверняка
на пристальность безжалостных потомков,
брезгливый интерес издалека.

4

Где взрывчато, гнусно и ржаво,
там чувства и мысли острее,
чем гуще прогнила держава,
тем чище к ней слабость в еврее.

5

Как бы ни были духом богаты,
но с ошметками русского теста
мы заметны везде, как цитаты
из большого безумного текста.

6

Пока мы кричали и спорили,
ключи подбирая к секрету,
трагедия русской истории
легко перешла в оперетту.

7

Темна российская заря,
и смутный страх меня тревожит:
Россия в поисках царя
себе найти еврея может.

8

Мы обучились в той стране
отменно благостной науке:
ценить в порвавшейся струне
ее неизданные звуки.

9

В душе у всех теперь надрыв:
без капли жалости эпоха
всех обокрала, вдруг открыв,
что где нас нет, там тоже плохо.

10

Бессилен плач и пуст молебен
в эпоху длительной беды,
зато стократ сильнее целебен
дух чуши и белиберды.

11

Забавно, как тихо и вкрадчиво
из воздуха, быта, искусства —
проникла в наш дух азиатчина
тяжелого стадного чувства.

12

Мне чудится порой: посланцы Божьи,
в безвылазной грязи изнемогая,
в российском захолустном бездорожье
кричат во тьму, что весть у них благая.

13

Российская судьба своеобразна,
в ней жизненная всякая игра
пронизана миазмами маразма
чего-нибудь, протухшего вчера.

14

Не зря мы гнили врозь и вместе,
ведь мы и вырастили всех,
дарящих нам теперь по чести
свое презрение и смех.

15

Воздух вековечных русских споров
пахнет исторической тоской:

душно от несчетных прокуроров,
мыслящих на фене воровской.

16

Увы, приметы и улики
российской жизни возрожденной —
раскаты, рокоты и рыки
народной воли пробужденной.

17

Если вернуться времена
всех наций братского объятья,
то, как ушедшая жена, —
забрать оставшиеся платья.

18

Среди совсем чужих равнин
теперь матрешкой и винтовкой
торгует гордый славянин
с еврейской прытью и сноровкой.

19

Прохвосты, проходимцы и пройдохи,
и прочие, кто духом ядовит,
в гармонии с дыханием эпохи
легко меняют запахи и вид.

В России после пробуждения
опять тоска туманит лица:
все снова ищут убеждения,
чтобы опять закабалиться.

21

Сквозь общие радость и смех,
под музыку, песни и танцы
дерьмо поднимается вверх
и туго смыкается в панцирь.

22

Секретари и председатели,
директора и заместители —
их как ни шли к ебене матери,
они и там руководители.

23

В той российской, нами прожитой неволе,
меж руин ее, развалин и обломков —
много крови, много грязи, много боли —
много смысла для забывчивых потомков.

24

Слепец бежит во мраке,
и дух его парит,
неся незрячим факел,
который не горит.

25

Нас рабство меняло за долгие годы —
мы гнулись, ломались, устали...
Свободны не те, кто дожил до свободы,
а те, кто свободными стали.

26

Послушные пословицам России,
живя под неусыпным их надзором,
мы сора из избы не выносили,
а тихо отравлялись этим сором.

27

Часы истории – рывками
и глазу смертному невнятно
идут, но, трогая руками,
мы стрелки двигаем обратно.

28

Стал русский дух из-за жестоких
режимов, нагло-самовластных, —

родильным домом дум высоких
и свалкой этих дум несчастных.

29

Я мало, в сущности, знаком
с душевным чувством, что свободен:
кто прожил век под колпаком,
тем купол неба чужероден.

30

В чертах российских поколений
чужой заметен след злодейский:
в национальный русский гений
закрался гнусный ген еврейский.

31

От марша, от песни, от гимна —
всегда со стыдом и несмело
вдруг чувствуешь очень интимно,

что время всех нас поимело.

32

Я свободен от общества не был,
и в итоге прожитого века
нету места в душе моей, где бы
не ступала нога человека.

33

Уже до правнуков навряд
сумеет дух наш просочиться,
где сок и желчь, где мед и яд,
и смысла пряная горчица.

34

Играть в хоккей бежит слепой,
покрылась вишнями сосна,
поплыл карась на водопой,
Россия вспряла ото сна.

35

Ровеснику тяжело живется сейчас,
хотя и отрадно, что дожил,
но время неслышно ушло из-под нас
ко всем, кто намного моложе.

36

Сами видя в себе инородцев,
поперечных российской судьбе,
очень много душевных колодцев
отравили мы сами себе.

37

Всегда из мути, мглы и марева
невыносимо черных дней
охотно мы спешим на зарево
болотных призрачных огней.

38

Российской бурной жизни непонятность
нельзя считать ни крахом, ни концом,
я вижу в ней возможность, вероятность,
стихию с человеческим яйцом.

39

Россия обретет былую стать,
которую по книгам мы любили,
когда в ней станут люди вырастать
такие же, как те, кого убили.

40

Я, в сущности, всю жизнь писал о том, как

мы ткали даже в рабстве нашу нить,
достанет ли таланта у потомка
душой, а не умом нас оценить?

41

В России ни одной не сыщешь нации,
избегнувшей нашествия зверей,
рожденных от безумной радиации,
текущей из несчетных лагерей.

42

Бурлит людьми река Исхода,
уносит ветви от корней,
и молча ждет пловца свобода
и сорок лет дороги к ней.

43

Еврей весьма уютно жил в России,
но ей была вредна его полезность;
тогда его оттуда попросили,
и тут же вся империя разлезлась.

44

Мы ушли, мы в ином окаянстве
ищем радости зренья и слуха,
только смех наш остался в пространстве

флегматичного русского духа.

45

Мой жизненный опыт – вчерашен,
он рабской, тюремной породы,
поэтому так ошарашен
я видом иной несвободы.

46

Я скучаю по тухло-застойной
пошлой жизни и подлой морали,
где, тоскуя о жизни достойной,
мы душой и умом воспаряли.

47

Я уезжал, с судьбой не споря,
но в благодетельной разлуке,
как раковина – рокот моря,
храню я русской речи звуки.

48

Я пишу тебе письмо со свободы,
все вокруг нам непонятно и дивно,
всюду много то машин, то природы,
а в сортирах чисто так, что противно.

49

Навеки в нас российская простуда;
живем хотя теплично и рассеянно,
но все, что за душой у нас, – оттуда
надышано, привито и навеяно.

50

Чисто русский, увы, человек —
по душе, по тоске, по уму,
я по-русски устроил свой век
и тюрьму поменял на суму.

51

От моей еврейской головы
прибыль не объявится в деньгах,
слишком я наелся трын-травы
на полянах русских и лугах.

52

Боюсь с людьми сходиться ближе,
когда насквозь видна их суть:
у тех, кто жил в вонючей жиже,
всегда найдется что плеснуть.

53

Один еврей другого не мудрей,

но разный в них запал и динамит,
еврей в России больше, чем еврей,
поскольку он еще антисемит.

54

Игра словами в рифму – эстафета,
где чувствуешь партнера по руке:
то ласточка вдруг выпорхнет от Фета,
то Блок завьется снегом по строке.

55

И родом я чистый еврей, и лицом,
а дух мой (укрыть его некуда) —
останется русским, и дело с концом
(хотя и обрезанным некогда).

56

Люблю Россию: ширь полей,
повсюду вождь на пьедестале...
Я меньше стал скучать по ней,
когда оттуда ездить стали.

57

Мечтал я тихой жизнью праздной
пожить последние года,
но вал российской пены грязной

за мной вослед хлестнул сюда.

58

До боли все мне близко на Руси,

знакомо, ощутимо и понятно,

но Боже сохрани и упаси

меня от возвращения обратно.

59

Храпит и яростно дрожит казацкий конь при слове «жид»

В евреях легко разобраться,
отринув пустые названия,
поскольку евреи – не нация,
а форма существования.

60

Давным-давно с умом и пылом
певец на лире пробренчал:
любовь и голод правят миром;
а про евреев – умолчал.

61

Развевая нас по всем дорогам,
Бог дал нам ум, характер, пыл;
еврей, конечно, избран Богом,
но для чего – Творец забыл.

62

Везде цветя на все лады
и зрея даже в лютой стуже,
евреи – странные плоды:
они сочнее, где климат хуже.

Я прекрасно сплю и вкусно ем,
но в мозгу – цепочка фонарей;
если у еврея нет проблем —
значит, он не полностью еврей.

Я подлинный продукт еврейской нации:
душа моя в союзе с диким нравом
использует при каждой ситуации
мое святое право быть неправым.

Пучина житейского моря
и стонов, и криков полна,
а шум от еврейского горя
тем громче, чем мельче волна.

Евреи рвутся и дерзают,
езде дрожжами лезут в тесто,
нас потому и обрезают,
чтоб занимали меньше места.

В истории все повторяется вновь
за жизнь человечества длинную,
история любит еврейскую кровь —
и творческую, и невинную.

68

Как тайное течение реки,
в нас тянется наследственная нить:
еврей сидит в еврее вопреки
желанию его в себе хранить.

69

Евреи собираются молиться,
и сразу проступает их особость,
и зримо отчуждаются их лица,
и смутная меня тревожит робость.

70

Есть мечта – меж евреев она
протекает подобно реке:
чтоб имелась родная страна
и чтоб жить от нее вдалеке.

71

На пире российской чумы
гуляет еврей голосисто,

как будто сбежал из тюрьмы
и сделался – рав Монте-Кристо.
72

Думаю, что жить еврею вечно,
капая слезу на мед горчащий;
чем невероятней в мире нечто,
тем оно бывает с нами чаще.
73

Хотя они прославлены на свете
за дух своекорыстья и наживы,
евреи легкомысленны, как дети,
но именно поэтому и живы.
74

Знак любого личного отличия
нам важней реальных достижений,
мания еврейского величия
выросла на почве унижений.
75

В еврейском духе скрыта порча,
она для духа много значит:
еврей неволю терпит молча,
а на свободе – горько плачет.

У Хаси энергии дикий напор,
а вертится – вылитый глобус,
и если поставить на Хасю мотор,
то Хася была бы автобус.

От ловкости еврейской не спастись:
прожив на русской почве срок большой,
они даже смогли обзавестись
загадочной славянской душой.

Забыв, что дрожжи только в тесте
растут махрово и упруго,
евреи жить стремятся вместе,
травя и пестуя друг друга.

Горжусь и восхищаться не устану
искусностью еврейского ума:
из воздуха сбиваем мы сметану,
а в сыр она сгущается сама.
80

Еврейской мутной славой дорожа,
всегда еврей читает с одобрением,
как жили соплеменники, служа
любой чужой культуры удобрением.
81

Может, потому на белом свете
так евреи долго задержались,
что по всей планете на столетия
дружно друг от друга разбежались.
82

Еврейский бес весьма практичен,
гордыней польской обуян,
слегка теперь по-русски пьян
и по-немецки педантичен.
83

На месте, где еврею все знакомо

и можно местным промыслом заняться,
еврей располагается как дома,
прося хозяев тоже не стесняться.
84

В евреях есть такое электричество,
что все вокруг евреев намагничено,
поэтому любое их количество
повсюду и всегда преувеличено.
85

В мире нет резвее и шустрей,
прытче и проворней (будто птица),
чем немолодой больной еврей,
ищущий возможность прокормиться.
86

Все ночью спит: недвижны воды,
затихли распри, склоки, розни,
и злоумышленник природы —
еврей во сне готовит козни.
87

Везде на всех похож еврей,
он дубом дуб в дубовой роще,
но где труднее – он умней,

а где полегче – он попроще.

88

Нынче нашел я в рассудке убогом
ключ ко всему, чему был изумлен:
да, у евреев был договор с Богом,
только он вовремя не был продлен.

89

Поверхностному взгляду не постичь
духовность волосатых иудеев;
во многих – если бороду остричь —
немедля станет видно прохиндеев.

90

Ни одной чумной бацилле
не приснится резвость Цили.
А блеснувшая монета
в ней рождает скорость света.

91

Это кто, благоухая,
сам себя несет, как булку?
Это вышла тетя Хая
с новым мужем на прогулку.

92

Содержимому наших голов
мир сегодняшней сильно обязан,
в мире нету серьезных узлов,
где какой-то еврей не завязан.

93

Еврей везде еврею рад,
в евреях зная толк,
еврей еврею – друг и брат,
а также – чек и долг.

94

Все гипотезы, факты и мнения
для здоровья полезны еврею:
посещая научные прения,
я от мудрости сладостно прею.

95

Логичность не люблю я в человеке,
живое нелогично естество,
та логика, что выдумали греки, —
пустое для еврея баловство.

96

Наука расщелкать пока что слаба

характера нашего зерна;
еврейство – не нация, это судьба,
и гибельность ей жизнотворна.

97

Народ любой воистину духовен
(а значит – и Создателем ценим)
не духом синагог или часовен,
а смехом над отчаяньем своим.

98

А знает ли Бог в напряженных
раздумьях о высшей морали,
что пеплом евреев сожженных
недавно поля удобряли?

99

Еврейский огонь затухал, но не гас,
и тем отличаемся мы,
но желтые звезды пылают на нас
заметней в периоды тьмы.

100

Тайной боли гармоничные
с неких пор у целой нации,
у еврея с дымом – личные

связаны ассоциации.

101

Печально, если правы те пророки,
слепые к переменным временам,
которые все прошлые уроки
и в будущем предсказывают нам.

102

Нравы, мода, вкус, идеи —
все меняется на свете,
но все так же иудеи
состоят за все в ответе.

103

В истории бывают ночь, и день,
и сумерки, и зори, и закаты,
но длится если пасмурная тень,
то здесь уже евреи виноваты.

104

Ту тайну, что нашептывает сердце,
мы разумом постичь бы не могли:
еврейское умение вертеться —
влияет на вращение Земли.

105

Мы в мире живем от начала начал,
меж наций особая каста,
и в мире я лучше людей не встречал,
и хуже встречал я не часто.

106

Полон гордости я, что еврей,
хоть хулу изрыгает мой рот;
видя ближе, люблю я сильней
мой великий блудливый народ.

107

Наверно, это порчи знак,
но знаю разумом и сердцем,
что всем евреям я никак
быть не могу единоверцем.

108

Евреи уезжают налегке,
кидая барахло в узлах и грудах,
чтоб легче сочинялось вдалеке
о брошенных дворцах и изумрудах.

109

Неожиданным открытием убиты,
мы разводим в изумлении руками,
ибо думали, как все антисемиты,
что евреи не бывают дураками.

110

Еще я не хочу ни в ад, ни в рай,
и Бога я прошу порой как друга:
пугай меня, Господь, но не карай,
еврей сильнее духом от испуга.

111

В лабиринтах, капканах и каверзах рос
мой текущий сквозь вечность народ;
даже нос у еврея висит, как вопрос,
опрокинутый наоборот.

112

Мне приятно, что мой соплеменник
при житейском раскладе поганом
в хитроумии поиска денег
делит первенство только с цыганом.

113

Напрасно я витаю в эмпириях
и столь же для химер я стар уже,
но лучшее, что знаю я в евреях, —
умение селиться в мираже.

114

Душе бывает тяжело даже бремя
лишения привычной географии,
а нас однажды выкинуло время —
из быта, из судьбы, из биографии.

115

Так сюда евреи побежали,

словно это умысел злодейский:
в мире ни одной еще державе
даром не сошел набег еврейский.

116

Еврею от Бога завещано,
что, душу и ум улажая,
мы любим культуру, как женщину,
поэтому слаще – чужая.

117

Из-за гор и лесов, из-за синих морей,
кроме родственных жарких приветов,
непрерывно привозит еврей еврей
миллионы полезных советов.

118

Еврей с отвычки быть самим собой,
а душу из личины русской выпростав,
кидается в израильский запой
и молится с неистовостью выкрестов.

119

Сметливостью Господь нас не обидел,
ее нам просто некуда девать,
еврей даже деньги в чистом виде

умеют покупать и продавать.

120

Я то лев, то заяц, то лисица,
бродят мысли бешеной гурьбой,
ибо я еврей, и согласиться
мне всего трудней с самим собой.

121

Израиль я хвалю на всех углах,
живется тут не скучно и упруго,
евреи – мастера в чужих делах,
а в собственных – помеха друг для друга.

122

Не молясь и не зная канонов,
я мирской многогрешный еврей,
но ушедшие шесть миллионов
продолжаются жизнью моей.

123

Расчислив жестокого века итог,
судить нас не следует строго:
каков он у нас, отвернувшийся Бог,
такие евреи у Бога.

124

Загробный быт – комфорт и чудо;
когда б там было не приятно,
то хоть один еврей оттуда
уже сыскал бы путь обратно.

125

Увы, подковой счастья моего кого-то подковали не того

Вчерашнюю отжив судьбу свою,
нисколько не жалея о пропаже,
сейчас перед сегодняшней стою —
нелепый, как монах на женском пляже.
126

Декарт существовал, поскольку мыслил,
умея средства к жизни добывать,
а я, хотя и мыслю в этом смысле,
но этим не могу существовать.
127

Любая система, структура, режим,
любое устройство правления —
по праву меня ощущают чужим
за наглость необщего мнения.
128

Моих соседей песни будят,
я свой бюджет едва крою,
и пусть завистливо осудят
нас те, кто сушится в раю.

Я пить могу в любом подвале,
за ночью ночь могу я пить,
когда б в уплату принимали
мою готовность заплатить.

130

Главное в питье – эффект начала,
надо по нему соображать:
если после первой полегчало —
значит, можно смело продолжать.

131

А пьянством я себя не истреблял,
поскольку был доволен я судьбой,
и я не для забвения гулял,
а ради наслаждения гульбой.

132

Канул день за чтеньем старых книг,
словно за стираньем белых пятен, —
я сегодня многого достиг,
я теперь опять себе понятен.

133

В тюрьму однажды загнан сучьей сворой,
я прошлому навеки благодарен
за навык жить на уровне, который
судьбой подарен.

134

Вчера я пил на склоне дня
среди седых мужей науки;
когда б там не было меня,
то я бы умер там со скуки.

135

Ценя гармонию в природе
(а морда пьяная – погана),
ко мне умеренность приходит
в районе третьего стакана.

136

Судьбу свою от сопель до седин
я вынес и душою и горбом,
но не был никому я господин
и не был даже Богу я рабом.

137

Ввиду значительности стажа
в любви, скитаниях и быте

совсем я чужд ажиотажа
вокруг значительных событий.
138

Исполняя житейскую роль,
то и дело меняю мелодию,
сам себе я и шут, и король,
сам себе я и царь, и юродивый.
139

Подвальный хлам обшарив дочиста,
нашел я в памяти недужной,
что нету злей, чем одиночество
среди чужой гулянки дружной.
140

Сполна уже я счастлив оттого,
что пью существования напитков.
Чего хочу от жизни? Ничего;
а этого у ней как раз избыток.
141

Услышь, Господь, мои рыдания,
избавь меня хотя б на год
и от романтики страдания,
и от поэзии невзгод.

142

Когда мне часто выпить не с кем,
то древний вздох, угрюм и вечен,
осознается фактом веским:
иных уж нет, а те далече.

143

Кофейным запахом пригреты,
всегда со мной теперь с утра
сидят до первой сигареты
две дуры – вялость и хандра.

144

Дыша озоном светлой праздности,
живу от мира в отдалении,
не видя целесообразности
в усилении и вождении.

145

Дар легкомыслия печальный
в себе я бережно храню
как символ веры изначальной,
как соль в житейское меню.

146

С людьми я избегаю откровений,
не делаю для близости ни шага,
распахнута для всех прикосновений
одна лишь туалетная бумага.

147

И я носил венец терновый
и был отъявленным красавцем,
но я, готовясь к жизни новой,
постриг его в супы мерзавцам.

148

Я нашел свою душевную окрестность
и малейшее оставил колебание;
мне милее анонимная известность,
чем почетное на полке прозябание.

149

В толпе не избытчен выбор масок
для стадного житейского лица,
а я и не пастух, и не подпасок,
не волк я, не собака, не овца.

150

Чертил мой век лихие письма,
испытывая душу и сноровку,

но в самые тугие времена
не думал я намыливать веревку.
151

У самого кромешного предела
и даже за него теснимый веком,
я делал историческое дело —
упрямо оставался человеком.
152

Явившись эталоном совершенства
для жизни человеческой земной,
составили бы чье-нибудь блаженство
возможности, упущенные мной.
153

Я учился часто и легко,
я любого знания глоток
впитывал настолько глубоко,
что уже найти его не мог.
154

Увы, не стану я богаче
и не скоплю ни малой малости,
Бог ловит блох моей удачи
и ногтем щелкает без жалости.

Я, слава Богу, буднично обычен,
я пью свое вино и ем свой хлеб;
наш разум гениально ограничен
и к подлинно трагическому слеп.
156

От боязни пути коллективного
я из чувства почти инстинктивного
рассуждаю всегда от противного
и порою – от очень противного.
157

Сижу с утра до вечера
с понурой головой:
совсем нести мне нечего
на рынок мировой.
158

Напрасно умный очи пучит
на жизнь дурацкую мою,
ведь то, что умный только учит,
я много лет преподаю.
159

Полным неудачником я не был,
сдобрен только горечью мой мед;
даже если деньги кинут с неба,
мне монета шишку нашибет.

160

Причины всех бесчисленных потерь
я с легкостью нашел в себе самом,
и прежние все глупости теперь
я делаю с оглядкой и умом.

161

Вон живет он, люди часто врут,
все святыни хая и хуля,
а меж тем я чист, как изумруд,
и в душе святого – до хуя.

162

Единство вкуса, запаха и цвета
в гармонии с блаженством интеллекта
являет нам тарелка винегрета,
бутылкой довершаясь до комплекта.

163

Я повторяю путь земной
былых людских существований;

ничто не ново под луной,
кроме моих переживаний.
164

Я проживаю жизнь вторую,
и как бы я ни жил убого,
а счастлив, будто я ворую
кусочек чужой судьбы у Бога.
165

Житейская пронзительная слякоть
мои не отравила сантименты,
еще я не утратил счастье плакать
в конце слезоточивой киноленты.
166

Болезни, полные коварства,
я сам лечу, как понимаю:
мне помогают все лекарства,
которых я не принимаю.
167

В нашем доме выпивают и поют,

всем уставшим тут гульба и перекур,
денег тоже в доме – куры не клюют,
ибо в доме нашем денег нет на кур.
168

Я курю, бездельничаю, пью,
грешен и ругаюсь как сапожник;
если бы я начал жизнь мою
снова, то еще бы стал картежник.
169

Заметен издали дурак,
хоть облачись он даже в тогу:
ходил бы я, надевши фрак,
в сандалиях на босу ногу.
170

И вкривь и вкось, и так и сяк
идут дела мои блестяще,
а вовсе наперекосяк
они идут гораздо чаще.
171

Я сам за все в ответе, покуда не погас,
я сам определяю жизнь свою:
откуда дует ветер, я знаю всякий раз,

но именно туда я и плюю.

172

Я жил хотя довольно бестолково,
но в мире не умножил боль и злобу,
я золото в том лучшем смысле слова,
что некуда уже поставить пробу.

173

Ушли куда-то сила и потенция.
Зуб мудрости на мелочи источен.
Дух выдохся. Осталась лишь эссенция,
похожая на уксусную очень.

174

Моя душа брезглива стала
и рушит жизни колею:
не пью теперь я с кем попало,
из-за чего почти не пью.

175

На лень мою я не в обиде,
я не рожден иметь и властвовать,
меня Господь назначил видеть,
а не кишеть и соучаствовать.

176

Чуждый суете, вдали от шума,
сам себе непризнанный предтеча,
счастлив я все время что-то думать,
яростно себе противореча.

177

Не люблю вылезать я наружу,
я и дома ничуть не скучаю,
и в душевную общую стужу
я заочно тепло источаю.

178

За лютой деловой людской рекой
с холодным наблюдаю восхищением;
у замыслов моих размах такой,
что глупо опошлять их воплощением.

179

В шумихе жизненного пира
чужой не знавшая руки,
моя участвовала лира
всем дирижерам вопреки.

180

Последнее время во всем неудача,

за что бы ни взялся – попытка пустая,
и льется урон, убедительно знача,
что скоро повалит удача густая.
181

Хоть за собой слежу не строго,
но часто за руку ловлю:
меня во мне излишне много,
и я себя в себе давлю.
182

Я пока из общества не изгнан,
только ни во что с ним не играю,
ибо лужу чувствую по брызгам
и брезгливо капли отираю.
183

Душевым пенится вином
и служит жизненным оплотом
святой восторг своим умом,
от Бога данный идиотам.
184

Высокое, разумное, могучее
для пьянства я имею основание:
при каждом подвернувшемся мне случае

я праздную свое существование.

185

Усталость, праздность, лень и вялость,
упадок сил и дух в упадке...

А бодряков – мешает жалость —
я пострелял бы из рогатки.

186

Я все хочу успеть за срок земной —
живу, тоску по времени тая:
вон женщина обласкана не мной,
а вон из бочки пиво пью не я.

187

Я себя расходую и трачу,
фарта не прося мольбой и плачем;
я имею право на удачу,
ибо я готов и к неудачам.

188

Из деятелей самых разноликих,
чей лик запечатлен в миниатюрах,
люблю я видеть образы великих
на крупных по возможности купюрах.

189

Где душевные холод и мрак
роль ума исполняют на сцене,
я смотрюсь как последний дурак,
но никто во мне это не ценит.

190

Свой разум я молчанием лечу,
болея недержания пороком,
и даже сам с собой теперь молчу,
чтоб глупость не сморозить ненароком.

191

Интимных радостей ценитель,
толпе не друг и глух к идеям,
я в зале жить мечтал как зритель,
а жил – отпетым лицедеем.

192

Я живу в утешительной вере,
что мое не напрасно сгорание,
а уроны, утраты, потери —
я в расчеты включаю заранее.

193

Есть ответ у любого вопроса,

только надо гоняться за зайцем,
много мыслей я вынул из носа,
размышляя задумчивым пальцем.

194

Когда я пьянствовать сажусь,
душа моя полна приветов,
и я нисколько не стыжусь
того, что счастлив делать это.

195

Как застоявшийся скакун
азартно землю бьет копытом,
так я, улегшись на боку,
опять ленивым тешусь бытом.

196

Мы живы, здоровы, мы едем встречать
друзей, прилетающих в гости,
на временном жребии – счастья печать,
удачные кинулись кости.

197

Я к мысли глубокой пришел:
на свете такая эпоха,
что может быть все хорошо,

а может быть все очень плохо.

198

В гармонии божественных начал

копаюсь я, изъяны уловляя:

похоже, что Творец не различал

добро и зло, меня изготавляя.

199

Гнев гоню, гашу ожесточение,

радуюсь, ногой ступив на землю,

я за этой жизни приключение

все как есть заведомо приемлю.

200

А если что читал Ты, паче чаянья

(слова лишь, а не мысли я меняю),

то правильно пойми мое отчаянье —

Тебя я в нем почти не обвиняю.

201

Живя в пространстве музыки и света,

купаюсь в удовольствиях и быте,

и дико мне, что кончится все это

с вульгарностью естественных событий.

202

Быть выше, чище и блюсти
меня зовут со всех сторон;
таким я, Господи прости,
и стану после похорон.

203

Судьбу дальнейшую свою
не вижу я совсем пропащей,
ведь можно даже и в раю
найти котел смолы кипящей.

204

Я нелеп, недалек, бестолков,
да еще полыхаю, как пламя;
если выстроить всех мудаков,
мне б, наверно, доверили знамя.

205

Как раз потому, что не вечен
и тают песчинки в горсти,
я жизни медлительный вечер
со вкусом хочу провести.

206

Я в жизни так любил игру

и светлый хмель шальной идеи,
что я и там, когда умру,
найду загробные затеи.

207

Божественность любовного томления – источник умноженья населения

Приснилась мне юность отпетая,
приятели – мусор эпохи,
и юная дева, одетая
в одни лишь любовные вздохи.
208

Любым любовным совмещениям
даны и дух, и содержание,
и к сексуальным извращениям
я отношу лишь воздержание.
209

В те благословенные года
жили неразборчиво и шало,
с пылкостью любили мы тогда
все, что шевелилось и дышало.
210

Даже тех я любить был не прочь,
на кого посмотреть без смущения
можно только в безлунную ночь
при отсутствии освещения.

211

Она была задумчива, бледна,
и волосы текли, как жаркий шелк;
ко мне она была так холодна,
что с насморком я вышел и ушел.

212

Красотки в жизни лишь одно
всегда считали унижением:
когда мужчины к ним давно
не лезли с гнусным предложением.

213

С таинственной женской натурой
не справиться мысли сухой,
но дама с хорошей фигурой —
понятней, чем дама с плохой.

214

Храни вас Бог, любовницы мои!
Я помню лишь обрывки каждой ленты,
а полностью кино былой любви
хранят пускай скопцы и импотенты.

215

Теряешь разум, девку встретив,
и увлекаешься познанием;
что от любви бывают дети,
соображаешь с опозданием.

216

В моей судьбе мелькнула ты,
как воспаленное видение,
как тень обманутой мечты,
как мимолетное введение.

217

Люблю я дев еврейских вид вальсяжный,
они любить и чувствовать умеют,
один лишь у евреек минус важный:
они после замужества умнеют.

218

Чтобы мерцал души кристалл огнем и драмой,
беседы я предпочитал с одетой дамой.

Поскольку женщина нагая —
уже другая.

219

Волнуя разум, льет луна
свет мироздания таинственный,

и лишь философа жена
спокойно спит в обнимку с истиной.
220

Если дама в гневе и обиде
на коварных пакостниц и сучек
плачет, на холодном камне сидя, —
у нее не будет даже внучек.
221

Вселяются души умерших людей —
в родившихся, к ним не причастных,
и души монахинь, попавши в блядей,
замужеством сушат несчастных.
222

Вот дама вся дымится от затей,
она не ищет выгод или власти,
а просто изливает на людей
запасы невостребованной страсти.
223

Я знание собрал из ветхих книг
(поэтому чуть пыльное оно),
а в женскую натуру я проник
в часы, когда читать уже темно.

Обманчив женский внешний вид,
поскольку в нежной плоти хрупкой
натура женская таит
единство арфы с мясорубкой.

225

Во сне пришла ко мне наемни
соседка юная нагая;
ты наяву приди, не медли,
не то приснится мне другая.

226

Дуэт любви – два слитных соло,
и в этой песне интересной
девицапряного посола
вокально выше девы пресной.

227

Как женской прелести пример,
в ее глазах такой интим,
как будто где-то вставлен хер
и ей отрадно ощутим.

228

Все, что женщине делать негоже,
можно выразить кратко и просто:
не ложись на прохвостово ложе,
бабу портит объятье прохвоста.
229

У зрелых женщин вкус отменно точен,
и ловкая во всем у них сноровка:
духовные невидимые очи —
и те они подкрашивают ловко.
230

Когда года, как ловкий вор,
уносят пыл из наших чресел,
в постели с дамой – разговор
нам делается интересен.
231

Когда я был тугой, худой, упругий
и круто все проблемы укрощались,
под утро уходившие подруги
тогда совсем не так со мной прощались.
232

Люблю я этих, и вон тех,
и прочих тоже,

и сладок Богу сок утех
на нашем ложе.

233

Не в силах дамы побороть
ни коньяком, ни папиросами
свою сентябрьскую плоть
с ее апрельскими запросами.

234

Чем угрюмей своды мрачные,
тем сильнее мечта о свете;
чем теснее узы брачные,
тем дырявей эти сети.

235

Супруг у добродетельной особы,
разумно с ней живя на склоне дней,
не пил я в полночь водку, спал давно бы,
уже блаженно спал бы. Но не с ней.

236

Как утлый в землю дом осел,
я в быт осел и в нем сижу,
а на отхожий нежный промысел
уже почти что не хожу.

Не всеу жизнь моя текла,
мне стало вовремя известно,
что для душевного тепла
должны два тела спать совместно.
238

Всегда готов я в новый путь
на легкий свет надежды шалой
найти отзывчивую грудь
и к ней прильнуть душой усталой.
239

Женщину полночной и дневной
вижу я столь разной неизменно,
что пугаюсь часто, как со мной
эти две живут одновременно.

Есть явное птичье в супружеской речи
звучание чувств обнаженных:
воркуют, курлычат, кукуют, щебечут,
кудахчут и крякают жены.

241

Про то, как друг на друга поглядели,
пока забудь;
мир тесен, повстречаемся в постели
когда-нибудь.

242

У той – глаза, у этой – дивный стан,
а та была гурман любовной позы,
и тихо прошептал старик Натан:
«Как хороши, как свежи были Розы!»

243

Ту мудрость, что не требует ума, —
способность пронизательности вещей
и чуткость в распознавании дерьма —
Создатель поместил зачем-то в женщин.

244

Хотя мы очень похотливы,
зато весьма неприхотливы.

245

А жаль, что жизнь без репетиций
течет единожды сквозь факт:
сегодня я с одной певицей
сыграл бы лучше первый акт.

246

Когда к нам дама на кровать
сама сигает в чем придется,
нам не дано предугадать,
во что нам это обойдется.

247

Не будоражу память грезами,
в былое взор не обращаю
и камасутровыми позами
уже подруг не восхищаю.

248

Я с дамами тактичен и внимателен;
усердно расточая дифирамбы,
я делаюсь настолько обаятелен,
что сам перед собой не устоял бы.

Не видя прелести в скульптуре,
люблю ходить к живой натуре.

250

Когда я не спешу залечь с девицей,
себя я ощущаю с умилением
хранителем возвышенных традиций,
забытых торопливым поколением.

251

Глупо – врать о страсти, падать ниц,
нынче дам не ловят на уловку,
время наплодило тучу птиц,
жадных на случайную поклевку.

252

Забав имел я в молодости массу,
в несчетных интерьерах и пейзажах
на девок я смотрел, как вор – на кассу,
и кассы соучаствовали в кражах.

253

Когда еще я мог и успевал
иметь биографические факты,

я с дамами охотно затевал
поверхностно-интимные контакты.
254

В разъездах, путешествиях, кочевьях
я часто предавался сладкой неге;
на генеалогических деревьях
на многих могут быть мои побеги.
255

Мы даже в распутстве убоги,
и грустно от секса рутинного,
читая, что делали боги,
покуда не слились в Единого.
256

Наши бранные крики и хрипы
Бог не слышит, без устали слушая
только нежные стоны и всхлипы,
утешенье Его благодушия.
257

Люблю житейские уроки
без посторонних и свидетелей,
мне в дамах темные пороки
милее светлых добродетелей.

Меж волнами любовного прилива
в наплыве нежных чувств изнемогая,
вдруг делается женщина болтлива,
как будто проглотила попугая.

259

Наука описала мир как данность,
на всем теперь названия прибиты,
и прячется за словом «полигамность»
тот факт, что мы ужасно блядовиты.

260

Опять весной мечты стесняют грудь,
весна для жизни – свежая страница;
и хочется любить кого-нибудь,
но без необходимости жениться.

261

Душевной не ведая драмы,
лишь те могут жить и любить,
кто прежние раны и шрамы
умел не чесать, а забыть.

262

С лицом кота, не чуждого сметане,
на дам я устремляю легкий взор
и вычурно текучих очертаний
вкушаю искусительный узор.

263

Спектаклей на веку моем не густо,
зато, насколько в жизни было сил,
я жрицам театрального искусства
себя охотно в жертву приносил.

264

В меня вперяют взор циничный
то дама пик, то туз крестей,
и я лечу, цветок тепличный,
в пучину гибельных страстей.

265

Вовсе не был по складу души
я монахом-аскетом-философом;
да, Господь, я немало грешил,
но учти, что естественным способом.

266

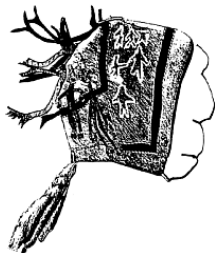
Молит Бога, потупясь немного,
о любви молодая вдовица;

зря, бедняжка, тревожишь ты Бога,
с этим лучше ко мне обратиться.

267

Не знаю выше интереса,
чем вечных слов исполнить гамму
и вывести на путь прогресса
замшело нравственную даму.

268

Кто в карьере успехом богат,
очень часто еще и рогат.

269

Встречая скованность и мнительность,
уже я вижу в отдаленности
восторженность и раздражительность
хронической неутоленности.

270

Когда внезапное событие
заветный замысел калечит,
нам лишь любовное соитие
всего надежней душу лечит.

271

В дела интимные, двуспальные
партийный дух закрался тоже:
есть дамы столь принципиальные,
что со врага берут дороже.

272

Петух ведет себя павлином,
от индюка в нем дух и спесь,
он как орел с умом куриным,
но куры любят эту смесь.

273

Подушку мнет во мраке ночи,
вертясь, как зяблик на суку,
и замуж выплеснуться хочет
девица в собственном соку.

274

Какие дамы нам не раз

шептали: «Дорогой!
Конечно да! Но не сейчас,
не здесь и не с тобой!»

275

На старости у наших изголовий
незримое сияние клубится
и отблесками канувших Любостей
высвечивает замкнутые лица.

276

Любви теперь боюсь я, как заразы,
смешна мне эта легкая атлетика,
зато люблю мои о ней рассказы
и славу Дон Жуана – теоретика.

277

Затем из рая нас изгнали,
чтоб на земле, а не в утопии
плодили мы в оригинале
свои божественные копии.

278

Семья, являясь жизни главной школой,
изучена сама довольно слабо,
семья бывает даже однополой,

когда себя мужик ведет как баба.

279

Увы, но верная жена,
избегнув низменной пучины,
всегда слегка раздражена
или уныла без причины.

280

Семьи уклад и канитель
душа возносит до святыни,
когда семейная постель —
оазис в жизненной пустыне.

281

Чтобы души своей безбрежность
художник выразил сполна,
нужны две мелочи: прилежность
и работающая жена.

282

Чего весь век хотим, изнемогая
и мучаясь томлением шальным?
Чтоб женщина – и та же, но другая
жила с тобою, тоже чуть иным.

283

Логикой жену не победить,
будет лишь кипеть она и злиться;
чтобы бабу переубедить,
надо с ней немедля согласиться.
284

Проблемы и тягости множа,
душевым дыша суховеем,
мы даже семейное ложе —
прокрустовым делать умеем.
285

Забавно, что ведьма и фурия
сперва были фея и гурия.
286

А та, с кем спала вся округа,
не успевая вынимать,
была прилежная супруга
и добродетельная мать.
287

Зов самых лучших побуждений
по бабам тайно водит нас:
от посторонних походов

семья милей во много раз.

288

Любви блаженные страницы
коплю для Страшного суда,
ибо флейтистки и блудницы
меня любили-таки – да.

289

В семье мужик обычно первый
бывает хворостью сражен;
у бедных вдов сохранней нервы,
ибо у женщин нету жен.

290

Стал я склонен во сне к наважденьям:
девы нежные каждую ночь
подвергают меня наслажденьям,
и с утра мне трудиться невмочь.

291

Глаза еще скользят по женской талии,
а мысли очень странные плывут:
что я уже вот-вот куплю сандалии,
которые меня переживут.

292

Нет, любовной неги не тая,
жизнь моя по-прежнему греховна,
только столь бесплотна плоть моя,
что и в тесной близости духовна.

293

Когда умру, и тут же слава
меня овеет взмахом крыл,
начнется дикая облава
на тех старух, с кем я курил.

294

Думаю угрюмо всякий раз,
глядя на угасшие светильники:
будут равнодушно жить без нас
бабы, города и собутыльники.

295

Я готовлюсь к отлету души,
подбивая житейский итог;
не жалею, что столько грешил,
а жалею, что больше не мог.

296

Я тебя люблю, и не беда,

что недалеко пора проститься,
ибо две дороги в никуда
могут еще где-то совместиться.

297

Наш дух бывает в жизни искушен не раньше, чем невинности лишен

Творец нас в мир однажды бросил
и дал бессмысленную прыть,
нас по судьбе несет без весел,
но мучит мысль, куда нам плыть.
298

С возрастом яснее Божий мир,
делается больно и обидно,
ибо жизнь изношена до дыр
и сквозь них бывшее наше видно.
299

Настолько время быстротечно
и столько стен оно сломало,
что можно жить вполне безопасно,
от нас зависит очень мало.
300

Совсем не реки постной шелухи
карающую сдерживают руку,
а просто Бог нас любит за грехи,
которыми развеивает скуку.

301

Не постичь ни душе, ни уму,
что мечта хороша вдалеке,
ибо счастье – дорога к нему,
а достигнешь – и пусто в руке.

302

Живу среди своих, а с остальными —
общаюсь, молчаливо признавая,
что можно жить печалью иными,
иную боль и грусть переживая.

303

Чтоб нам не изнемочь в тоске и плаче,
судьба нас утешает из пространства
то радостью от завтрашней удачи,
то хмелем послезавтрашнего пьянства.

304

Идея прямо в душу проникает,
идея – это праздник искушения,
идея – это то, что возникает
в уме, который жаждет орошения.

305

И детские грезы греховные,
и мудрая горечь облезлых —
куют нам те цепи духовные,
которые крепче железных.

306

Дав дух и свет любой бездарности,
Бог молча сверху смотрит гневно,
как черный грех неблагодарности
мы источаем ежедневно.

307

Масштабность и значительность задач,
огромность затевающихся дел —
заметней по размаху неудач,
которые в итоге потерпел.

308

В толкучке, хаосе и шуме,
в хитросплетеньи отношений
любая длительность раздумий
чревата глупостью решений.

309

Все в жизни потаенно, что всерьез,
а наша суэта судеб случайных —

лишь пена волн и пыль из-под колес,
лишь искры от костра процессов тайных.

310

Я плавал в море, знаю сушу,
я видел свет и трогал тьму;
не грех уродует нам душу,
а вождение к нему.

311

Размазни, разгильдяи, тетери —
безусловно любезны Творцу:
их уроны, утраты, потери
им на пользу идут и к лицу.

312

Вера быть профессией не может,
ласточке не родственен петух,
ибо правят должность клерки Божьи,
а в конторе – служба, а не дух.

313

В извилистых изгибах бытия
я часто лбом на стену клал печать,
всегда чуть не хватало мне чутья,
чтоб ангела от беса отличать.

Нрав у Творца, конечно, крут,
но полон блага дух Господний,
и нас не он обрек на труд,
а педагог из преисподней.

315

Увы, рассудком не постичь,
но всем дано познать в итоге,
какую чушь, фуффло и дичь
несли при жизни мы о Боге.

316

Сметая наши судьбы, словно сор,
не думая о тех, кто обречен,
безумный гениальный режиссер
все время новой пьесой увлечен.

317

Я вдруг почувствовал сегодня —
и почернело небо синее, —
как тяжела рука Господня,
когда карает за уныние.

318

Три фрукта варятся в компоте,
где плещет жизни кутерьма:
судьба души, фортуна плоти
и приключения ума.

319

Наш век успел довольно много,
он мир прозрением потряс:
мы – зря надеялись на Бога,
а Бог – напрасно верил в нас.

320

Печальный зритель жутких сцен,
то лживо-ханжеских, то честных,
Бог бесконечно выше стен
вокруг земных религий местных.

321

Недюжинного юмора запас
использовав на замыслы лихие,
Бог вылепил Вселенную и нас
из хаоса, абсурда и стихии.

322

А жить порой невмоготу —
от угрызений, от сомнений,

от боли видеть наготу
своих ничтожных вожделений.

323

Сурово относясь к деяньям грешным
(и женщины к ним падки, и мужчины),
суди, Господь, по признакам не внешним,
а взвешивай мотивы и причины.

324

Когда азарт и упоение
трясут меня лихой горячкой,
я слышу сиплое сопение
чертей, любующихся скачкой.

325

А если во что я и верю,
пока мое время течет,
то только в утрату, потерю,
ошибку, урон и просчет.

326

Кивнули, сойдясь поневоле,
и вновь разошлись по аллее,
и каждый подумал без боли,
что вместе им было светлее.

Под осень чуть не с каждого сука,
 окрестности брезгливо озирая,
 глядят на нас вороны свысока,
 за труд и суету нас презирая.

328

Наши духа горние вершины —
 вовсе не фантом и не обман,
 а напрягший хилые пружины
 ветхий и залежанный диван.

329

Всему на свете истинную цену
 отменно знает время — лишь оно
 сметает шелуху, сдувает пену

и сцеживает в амфоры вино.

330

Не для литья пустой воды

Бог дал нам дух и речь,

а чтобы даже из беды

могли мы соль извлечь.

331

Я жил во тьме и мгле,

потом я к свету вышел;

нет рая на земле,

но рая нет и выше.

332

Я очень рад, что мы научно

постичь не в силах мира сложность;

без Бога жить на свете скучно

и тяжелее безнадежность.

333

Я жив: я весел и грущу,

я сон едой перемежаю,

и душу в мыслях полощу,

и чувством разум освежаю.

334

Увы, но никакие улучшения
в обилии законов и преград
не справятся с тем духом разрушения,
который духу творческому брат.

335

Нет ни единого штриха
в любом рисунке поведения,
чтоб не таил в себе греха
для постороннего суждения.

336

У жизни есть мелодия, мотив,
гармония сюжетов и тональность,
а радуга случайных перспектив
укрыта в монотонную реальность.

337

Живешь, покоем дорожа,
путь безупречен, прям и прост...
Под хвост попавшая вожжа
пускает все коту под хвост.

338

В любой беде, любой превратности,

терпя любое сокрушение,
душа внезапные приятности
себе находит в утешение.

339

Перед выбором – что предпочесть,
я ни в грусть не впадал, ни в прострацию,
я старался беречь только честь
и спокойно терял репутацию.

340

Цель нашей жизни столь бесспорна,
что зря не мучайся, приятель:
мы сеем будущего зерна,
а что взойдет – решит Создатель.

341

Я знаю, печальный еврей,
что в мире есть власть вездесущая,
что роль моя в жизни моей —
отнюдь и совсем не ведущая.

342

Столько силы и страсти потрачено
было в жизни слепой и отчаянной,
что сполна и с лихвою оплачена

мимолетность удачи нечаянной.

343

Я черной краской мир не крашу,
я для унынья слишком стар;
обогащая душу нашу,
потери – тоже Божий дар.

344

Мой разум точат будничные хлопоты,
долги над головой густеют грозно,
а в душу тихо ангел шепчет: жопа ты,
что к этому относишься серьезно.

345

Я врос и вжился в роль балды,
а те, кто был меня умней,
едят червивые плоды
змеиной мудрости своей.

346

События жизни во внешней среде
в душе отражаются сильно иначе,
и можно смеяться кромешной беде
и злую тоску ощущать от удачи.

347

Азартно дух и плоть вершат пиры,
азартны и гордыня и разбой,
Бог создал человека для игры
и тайно соучаствует в любой.

348

Когда еще не баржи мы, а лодки,
и ветром паруса не оскудели,
заметно даже просто по походке,
как музыка души играет в теле.

349

От Бога в наших душах раздвоение,
такой была задумана игра,
и зло в душе божественно не менее
играющего белыми добра.

350

Чуя близость печальных превратностей,
дух живой выцветает и вянет;
если ждать от судьбы неприятностей,
то судьба никогда не обманет.

351

Я редко сожалею, что не юн,

и часто – что в ту пору удалую
так мало я задел высоких струн,
а низкие – щипал напропалую.
352

Из-под поверхностных течений
речей, обманчиво несложных,
текут ручьи иных значений
и смыслов противоположных.
353

Забавен наш пожизненный удел
расписывать свой день и даже час,
как если бы течение наших дел
действительно зависело от нас.
354

Хотя еще Творца не знаю лично,
но верю я, что есть и был такой:
все сделать так смешно и так трагично
возможно лишь Божественной рукой.
355

Редко нам дано понять успеть,
в чем таится Божья благодать,
ибо для души важней хотеть,

нежели иметь и обладать.

356

Комок живой разумной слизи
так покори́л и даль, и высь,
что создал множество коллизий,
чтоб обратиться снова в слизь.

357

Мужество открытого неверия,
полное тревоги и метания, —
чище и достойней лицемерия
ханжеского богопочитания.

358

С азартом жить на свете так опасно,
любые так рискованны пути,
что понял я однажды очень ясно:
живым из этой жизни – не уйти.

359

В безумствах мира нет загадки,
Творцу смешны мольбы и просьбы:

ведь на земле, где все в порядке,
для жизни места не нашлось бы.
360

Я редко, но тревожу имя Бога:
материи Твоей худой лоскут,
умерить я прошу Тебя немного
мою непонимания тоску.
361

Живя с азартом и упорством
среди друзей, вина и смеха,
блажен, кто брезгает проворством,
необходимым для успеха.
362

Ты скорее, Господь, справедлив, чем жесток,
мне ясней это день ото дня,
и спасибо, что короток тот поводок,
на котором Ты держишь меня.
363

Молитва и брань одновременно
в живое сплетаются слово,
высокое с низким беременно
все время одно от другого.

В игры Бога как пешка включен,
сам навряд ли я что-нибудь значу;
кто судьбой на успех обречен,
с неременностью терпит удачу.
365

В лицо нам часто дышит бездна,
и тонкий дух ее зияния
нам обещает безвозмездно
восторг полета и слияния.
366

То главное, что нам необходимо, —
не знает исторических помех,
поэтому всегда и невредимо
пребудут на земле любовь и смех.
367

Нам чуть менее жить одиноко
в мираже, непостижном и лестном,
что следит неусыпное око
за любым нашим шагом и жестом.
368

Душа моя нисколько не грустит
о грешном словоблудии моем:
ей Бог мои все глупости простит,
поскольку говорил я их – о Нем.
369

Сполна сбылось, о чем мечтали
то вслух, то молча много лет;
за исключением детали,
что чувства счастья снова нет.
370

У мудрости расхожей – нету дна,
ищи хоть каждый день с утра до вечера;
в банальности таится глубина,
которая ее увековечила.
371

Ощущение высшей руки
в нас отнюдь не от воплей ревнителей;
чувство Бога живет вопреки
виду многих священнослужителей.
372

Хотелось быть любимым и любить,
хотелось выбрать жребий и дорогу,

и теми я порой хотел бы быть,
кем не был и не стану, слава Богу.

373

Сейчас, когда постигла душу зрелость,
нам видится яснее из тумана
упругость, и пластичность, и умелость
целебного самих себя обмана.

374

Часами я валяюсь, как тюлень,
и делать неохота ничего,
в доставшихся мне генах спала лень
задолго до зачатья моего.

375

Цветение, зенит, апофеоз —
обычно забывают про истоки,
в которых непременно был навоз,
отдавший им живительные соки.

376

Товарищ, верь: взойдет она,
и будет свет в небесной выси;
какое счастье, что луна
от человеков не зависит!

377

О, как смущен бывает разум
лихим соблазном расквитаться
со всеми трудностями сразу,
уйдя без писем и квитанций.

378

В сумерках закатного сознания
гаснет испаряющийся день,
бережно хранят воспоминания
эхо, отражение и тень.

379

Жил на ветру или теплично,
жил как бурьян или полезно —
к земным заслугам безразлична
всеуравнительная бездна.

380

Когда последняя усталость
мой день разрежет поперек,
я ощутить успею жалость
ко всем, кто зря себя берег.

381

Сегодня настроение осеннее,
как будто истощился дух мой весь,
но если после смерти воскресение —
не сказка, то хочу очнуться здесь.

382

В этой жизни, шальной и летящей,
мало пил я с друзьями в пивных,
но надеюсь, что видеться чаще
нам достанется в жизнях иных.

383

Решит, конечно, высшая инстанция —
куда я после смерти попаду,
но книги – безусловная квитанция
на личную в аду сковороду.

384

А жаль, что на моей печальной тризне,
припомнив легкомыслие мое,
все станут говорить об оптимизме,
и молча буду слушать я вранье.

385

Струны натянувши на гитары,
чувствуя горенье и напор,

обо мне напишут мемуары
те, кого не видел я в упор.
386

От воздуха помолодев,
как ожидала и хотела,
душа взлетает, похудев
на вес оставленного тела.
387

Нам после смерти было б весело
поговорить о днях текущих,
но будем только мхом и плесенью,
всего скорей, мы в райских куцах.
388

Улучшить человека невозможно, и мы великолепны безнадежно

Угрюмый опыт долгих лет
вraстанья в темноту —
моей души спинной хребет,
горбатый на свету.
389

Я живу, никого не виня,
не взывая к судам и расплатам,
много судей везде без меня,
и достойнее быть адвокатом.
390

Есть сутки – не выдумать гаже,
дурней, непробудней, темней,
а жизнь продолжается – даже
сквозь наши рыданья над ней.
391

Насыщенная множеством затей,
покуда длится времени течение,
вся жизнь моя – защита от людей
и к ним же непрестанное влечение.

Всегда приходят в мир учителя,
несущие неслышный звон оков,
и тьмой от них питается земля,
и зло течет из их учеников.

393

Играя соками и жиром
в корнях и семени,
объем и тяжесть правят миром
и дружат семьями.

394

Пристрастие к известным и великим
рождается из чувства не напрасного:
величие отбрасывает блики
на всякого случайного причастного.

395

Вдоль житейской выщербленной трассы
веет посреди и на обочинах
запах жизнедеятельной массы
прытких и натужно озабоченных.

396

Поскольку в наших душах много свинства
и всяческой корысти примитивной,
любое коллективное единство
всегда чревато гнусью коллективной.
397

Подвержены мы горестным печалям
по некой очень мерзостной причине:
не радуется нас то, что получаем,
а мучает, что недополучили.
398

Разбираться прилежно и слепо
в механизмах любви и вражды —
так же сложно и столь же нелепо,
как ходить по нужде без нужды.
399

Люди мелкие, люди великие
(люди средние тоже не реже) —
одичавшие хуже, чем дикие,
ибо злобой насыщены свежей.
400

Пошлость неоглядно бесконечна,
век она пронзает напролет,

мы умрем, и нас она сердечно,
с тактом и со вкусом отпоет.

401

В житейской озверелой суете
поскольку преуспеть не всем дано,
успеха добиваются лишь те,
кто, будучи младенцем, ел говно.

402

Беда, что в наших душах воспаленных
все время, разъедая их, кипит
то укус от страстей неуголенных,
то желчь из нерастаявших обид.

403

По замыслу Бога порядок таков,
что теплится всякая живность,
и, если уменьшить число дураков —
у них возрастает активность.

404

Нет сильнее терзающей горести,
жарче муки и боли острей,
чем огонь угрызения совести;
и ничто не проходит быстрее.

405

Всегда проистекают из того
конфузы человеческого множества,
что делается голосом его
крикливая нахрапистость ничтожества.

406

Вампиров, упырей и вурдалаков
я вижу часто в комнате жилой,
и вкус у них повсюду одинаков:
душевное тепло и дух живой.

407

Несобранный, рассеянный и праздный,
газеты я с утра смотрю за чаем;
политика – предмет настолько грязный,
что мы ее прохвостам поручаем.

408

По дебрям прессы свежей
скитаться я устал;
век разума забрезжил,
но так и не настал.

409

А вы – твердя, что нам уроками
не служит прошлое, – не правы:
что раньше числилось пороками,
теперь – обыденные нравы.

410

Везде вокруг – шумиха, толкотня
и наглое всевластие порока;
отечество мое – внутри меня,
и нету в нем достойного пророка.

411

Я думаю, что Бог жесток, но точен,
и в судьбах даже самых чрезвычайных
количество заслуженных пощечин
не меньше, чем количество случайных.

412

Я насмотрелся столько всякого,

что стал сильнее себя любить;
на всей планете одинаково
умеют нас употребить.

413

По праху и по грязи тек мой век,
и рабством и грехом отмечен путь,
не более я был, чем человек,
однако и не менее ничуть.

414

Днем кажется, что близких миллион
и с каждым есть связующая нить,
а вечером безмолвен телефон,
и нам, по сути, некому звонить.

415

Не ведая притворства, лжи и фальши,
без жалости, сомнений и стыда
от нас уходят дети много раньше,
чем из дому уходят навсегда.

416

Увы, сколь коротки мгновения
огня, игры и пирования;
на вдох любого упоения

есть выдох разочарования.

417

Есть люди – едва к ним зайдя на крыльцо,

я тут же прощаюсь легко;

в гостях – рубашонка, штаны и лицо,

а сам я – уже далеко.

418

Он душою и темен и нищ,

а игра его – светом лучится:

Божий дар неожидан, как прыщ,

и на жопе он может случиться.

419

По вечной жизни побратимы

и по изменчивой судьбе,

разбой и ложь непобедимы,

пока уверены в себе.

420

Ничуть не склонный к баловству

трепаться всуе о высоком,

неслышно корень поит соком

многословесную листву.

421

Случай неожиданен, как выстрел,
личность в этот миг видна до дна:
то, что из гранита выбьет искру,
выплеснет лишь брызги из говна.
422

Что царь или вождь – это главный злодей,
придумали низкие лбы:
цари погубили не больше людей,
чем разного рода рабы.
423

Добреют и смягчают времена,
однако путь на свет совсем не прост,
в нас рабство посеваёт семена,
которые свобода гонит в рост.
424

Простая истина нагая
опасна тогам и котурнам:
осел, культуру постигая,
ослом становится культурным.
425

У всех по замыслу Творца —

своя ума и духа зона,
житейский опыт мудреца —
иной, чем опыт музозвона.
426

Как бы счастье вокруг ни плясало,
приглашая на вальс и канкан,
а бесплатно в судьбе только сало,
заряжаемое в капкан.
427

Мир бизнеса разумен и толков,
художнику дает он пить и есть;
причина поклонения волков —
в боязни пропустить благуя весть.
428

Рассудок мой всегда стоит на страже,
поскольку – нет числа таким примерам —
есть люди столь бездарные, что даже
пытаются чужим ебаться хером.
429

Паскудство проступает из паскуды
под самым незначительным нажимом;
хоть равно все мы Божии сосуды,

но разница – в залитом содержимом.

430

К игре в рубаху-парня-обаяшку
не все мои знакомые годны:
едва раскроют душу нараспашку,
как мерзкие волосики видны.

431

В мире царствуют вездесущие,
жарко щерящие пасть
власть имевшие, власть имущие
и хотящие эту власть.

432

От укуса совести чахнут,
кто грабит и крадет убого,
но деньги нисколько не пахнут,
когда их достаточно много.

433

Счастлив муж без боли и печали,
друг удачи всюду и всегда,
чье чело вовек не омрачили
тени долга, чести и стыда.

434

Много начерно, то есть в чернилах,
было черного людям предвидено,
но никто сочинить был не в силах
то, что век наш явил нам обыденно.

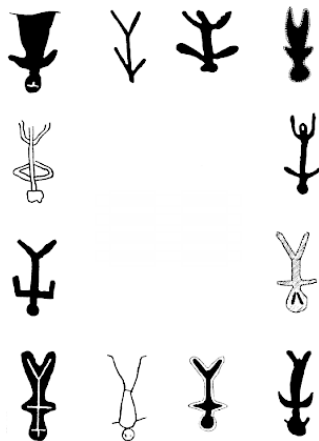
435

Не стоит на друзей смотреть сурово
и сдержанность лелеять как профессию:
нечаянное ласковое слово
излечивает скрытую депрессию.

436

Удачу близко видя, шел я мимо,
не разумом, а нюхом ощутив
текущее за ней неуловимо
зловоние блестящих перспектив.

437

Лепя людей, в большое зеркало
Бог на себя смотрел из тьмы,
и так оно Его коверкало,
что в результате вышли мы.
438

Шальная от порывов скороспелых,
душа непредсказуемо сложна,
поэтому в расчисленных пределах
неволя безусловно ей нужна.
439

В какой ни варишься среде,
азарт апломба так неистов,
что не укрыть себя нигде

от саблезубых гуманистов.

440

Я лишь от тех не жду хорошего,
в ком видно сразу по лицу,
что душу дьяволу задешево
продал со скидкой на гнильцу.

441

Нелепым парадоксом озабочен
я в темных ощущениях моих:
боюсь я чистых праведников очень
и хочется грешить, увидя их.

442

Я не был отщепенец и изгой,
во все играл со всеми наравне,
но был неуловимо я другой,
и в тягость это было только мне.

443

Хоть у века дорога крута,
но невольно по ней мы влекомы;
нас могла бы спасти доброта,
только мы очень мало знакомы.

444

Незримый, невесомый, эфемерный —
обманчив дух вульгарной простоты:
способно вызвать взрыв неимоверный
давление душевной пустоты.

445

Любой народ разнообразен
во всем хорошем и дурном,
то жемчуг выплеснет из грязи,
то душу вымажет говном.

446

Устройство мира столь непросто,
что смотришь с горестью сиротства,
как истекает от прохвоста
спокойствие и превосходство.

447

Вражда развивает мой опыт,
а лезть меня сил бы лишила,
хотя с точки зрения жопы
приятнее мыло, чем шило.

448

Жестоки с нами дети, но заметим,

что далее на свет родятся внуки,
а внуки – это кара нашим детям
за нами перенесенные муки.

449

Ученье свет, а неученье —
потемки, косность и рутина;
из этой мысли исключение —
образование кретина.

450

Мы живем то в беде, то в засранстве,
мы туманим надеждами взор,
роль Мессии витает в пространстве,
но актеры – то срам, то позор.

451

Есть запахи у каждого лица,
и пахнуть по-иному нет возможности,
свой запах у плута, у подлеца,
у глупости, у страха, у надежности.

452

У времени всегда есть обстоятельства
и связанная логическая нить,
чтоб можно было низкое предательство

высокими словами объяснить.

453

Нету вкрадчивей, нету сочней,
согревающей, словно вино,
нет кислотней и нет щелочней,
агрессивней среды, чем говно.

454

Владея к наслаждению ключом,
я славы и успеха не искал:
в погоне за прожекторным лучом
меняется улыбка на оскал.

455

Есть на свете странные мужчины:
вовсе не сочатся злом и ядом,
только духом дикой мертвечины
веет ниоткуда с ними рядом.

456

Я, дружа по жизни с разным сбродом,
знал от паханов до низкой челяди;
самым омерзительным народом
были образованные нелюди.

457

Очень зябко – про нечто, что вечно,
вдруг подумать в сомнении честном:
глас народа – глас Божий, конечно,
только пахнет общественным местом.

458

Наша разность – не в мечтаниях бесплотных,
не в культуре и не в туфлях на ногах;
человека отличает от животных
постоянная забота о деньгах.

459

От выпивки в нас тает дух сиротства,
на время растворяясь в наслаждении,
вино в мужчине будит благородство
и память о мужском происхождении.

460

Какие цепи мы ни сбросим,
нам только делается хуже,
свою тюрьму внутри мы носим,
и клетка вовсе не снаружи.

461

Друг мой бедный, дитя современности,

суеты и расчета клубок,
знает цену, не чувствуя ценности,
отчего одинок и убог.

462

Все книги об истории – поток,
печальным утешением текущий,
что век наш не беспочвенно жесток,
а просто развивает предыдущий.

463

Всегда в разговорах и спорах
по самым случайным вопросам
есть люди, мышление которых
запор сочетает с поносом.

464

Свободу я ношу в себе,
а внешне – тих я и неловок
в демократической борьбе
несчетных банд и группировок.

465

Хотя повсюду царствует жлобство,
есть личная заветная округа,
есть будничного быта волшебство

и счастье от познания друг друга.

466

Мы сразу простимся с заботами
и станем тонуть в наслаждении,
когда мудрецы с идиотами
сойдутся в едином суждении.

467

Всегда стремились люди страстно
куда попало вон из темени
в пустой надежде, что пространство
освобождает нас от времени.

468

У нас весьма различны свойства,
но есть одно у всех подряд:
Господь нам дал самодовольство,
чтоб мы не тратились на яд.

469

Умеренность, лекарства и диета,
замашки опасаться и дрожать —
способны человека сжить со света
и заживо в покойниках держать.

470

Так Земля безнадежно кругла
получилась под Божьей рукой,
что на свете не сыщешь угла,
чтоб найти там душевный покой.

471

Толпа людей – живое существо:
и разум есть, и дух, и ток по нервам,
и даже очень видно вещество,
которое всегда всплывает первым.

472

Бал жизни всюду правит стая,
где каждый занят личной гонкой,
расчет и блядство сочетая
в душе возвышенной и тонкой.

473

Незримая душевная ущербность
рождает неосознанную прыть,

питая ненасытную потребность
себя заметным козырем покрыть.
474

Когда к публичной славе тянет личность,
то всей своей судьбой по совокупности
персона эта платит за публичность
публичной репутацией доступности.
475

Ты был и есть в моей судьбе,
хоть был общенья срок недолог;
я написал бы о тебе,
но жалко – я не гельминтолог.
476

Не только воевали и злословили
в течение столетия активного,
еще всего мы много наготовили
и для самоубийства коллективного.
477

Я очень пожилой уже свидетель
того, что наши пафос и патетика
про нравственность, мораль и добродетель —
пустая, но полезная косметика.

Хотя, стремясь достигнуть и познать,
мы глупости творили временами,
всегда в нас было мужество признать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.